

СТИВЕН
АНСИМЕН

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Основание Иерусалимского королевства

ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ
ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО
ПОХОДА

Стивен Рансимен

**Основание Иерусалимского
королевства. Главные этапы
Первого крестового похода**

«Центрполиграф»

1951

УДК 94(569.4).034
ББК 63.3(0)4

Рансимен С.

Основание Иерусалимского королевства. Главные этапы Первого крестового похода / С. Рансимен — «Центрполиграф», 1951

ISBN 978-5-9524-5454-5

Подробное исследование одного из самых захватывающих эпизодов Средневековья – Крестовых походов. Автор, выдающийся британский ученый, дает разносторонний обзор истории Византии и ислама, а также религиозных споров, которые привели к возникновению множества христианских церквей. В книге рассматривается история зарождения самой идеи крестоносного движения, его скрытые причины. Приведены основные этапы Первого крестового похода. Показаны взаимоотношения между его участниками, их врагами и союзниками. Повествование продолжается до того момента, когда новообразованное Иерусалимское королевство получает своего первого короля. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(569.4).034

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5454-5

© Рансимен С., 1951

© Центрполиграф, 1951

Содержание

Часть первая. Святые места христианства	6
Глава 1. Мерзость запустения	6
Глава 2. Царство антихриста	15
Глава 3. Паломники Христа	24
Глава 4. Крах близится	30
Глава 5. Смута на Востоке	37
Часть вторая. Проповедь Крестового похода	45
Глава 1. Святой мир и святая война	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Стивен Рансимен
Основание Иерусалимского королевства.
Главные этапы Первого крестового похода

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

Часть первая. Святые места христианства

Глава 1. Мерзость запустения

Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте...

Евангелие от Матфея, 24: 15

В феврале года Господа Нашего 638 халиф Умар въехал в Иерусалим верхом на белом верблюде. Одежда его истрепалась и замаралась, за ним следовала грубая и неопрятная армия, но дисциплина в ней поддерживалась идеальная. Рядом с ним ехал патриарх Софроний как главный управитель покоренного города. Умар направился прямо в храм Соломона, откуда в небеса возносился его друг Мухаммед. Глядя на стоящего там халифа, патриарх припомнил слова Христа и пролепетал сквозь слезы: «Увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила».

Потом халиф захотел посмотреть на христианские святыни. Патриарх отвел его в храм Гроба Господня и показал все, что там находилось. Пока они пребывали в храме, наступил час молитвы для мусульман. Халиф спросил, можно ли ему расстелить там свой молитвенный коврик. Софроний упрашивал его оставаться на месте; но Умар вышел во двор храма, чтобы, по его словам, его слишком рьяные сподвижники не объявили, что святыня, в которой он помолился, отныне принадлежит исламу. И так это и произошло. Двор присвоили мусульмане, но храм, как и прежде, остался величайшей святыней христианства.

Таковы были условия, на которых сдался город. Сам Пророк постановил, что язычникам следует предлагать на выбор обратиться в ислам и погибнуть, а людям Писания – христианам и иудеям (к которым он любезно присовокупил и зороастрийцев) – позволить сохранить их богослужебные дома и беспрепятственно пользоваться ими, однако они не имеют права прозелитствовать, носить оружие и ездить верхом; а кроме того, должны платить особую подушную подать – так называемую *джизью*. Софроний не мог и надеяться на лучшие условия, когда ехал на своем осле под охранной грамотой на встречу с халифом на Масличной горе, отказавшись сдать город кому-либо, кроме предводителя мусульман. Иерусалим больше года находился в осаде; и его недавно отремонтированные укрепления оказались не под силу арабам, не имевшим опыта в ведении осадной войны и плохо для нее оснащенным. Однако в городе кончилась еда, а всякая надежда на освобождение угасла. Арабы завладели всеми окрестными районами, и города Сирии и Палестины один за другим пали перед их натиском. Ближе Египта не осталось ни одной христианской армии, не считая одного гарнизона, который еще удерживал прибрежную Кесарию, защищенную имперским флотом. Единственное, чего сумел добиться Софроний от завоевателя, помимо обычных условий, было обещание, что городские имперские чиновники смогут без помех уехать на побережье в Кесарию вместе с семьями и движимым имуществом.

Это было последнее, что сделал патриарх для своего народа, трагическая развязка долгой жизни, проведенной в трудах во славу православия и единства христианского мира. С самой юности, когда он путешествовал по монастырям Востока вместе с другом Иоанном Мосхом, собирая для будущего «Луга духовного» изречения и предания о святых, и до поздних лет, когда император, политике которого он противостоял, назначил его в великую Иерусалимскую патриархию, он бескомпромиссно вел войну с ересями и зарождающимся национализмом, в котором видел зачатки распада Европы. Однако «медоречивый защитник веры», как про-

звали его, увещевал и старался напрасно. Арабские завоевания доказали его провал; и через несколько недель он скончался от разбитого сердца¹.

Поистине никакие человеческие силы не могли бы поставить преграду перед разрушительными влияниями в восточных провинциях Рима. На протяжении всей истории Римской империи между Востоком и Западом подспудно шла война. Запад одержал победу при Акции, но Восток одолел своих победителей. Самыми богатыми и густонаселенными провинциями империи были Египет и Сирия. Там находились ее главные центры производства; их корабли и караваны контролировали торговлю с Востоком; их культура, духовная и материальная, была выше, чем у Запада, и не только в силу давних традиций, но и благодаря тому стимулу, который давала им близость к единственной сопернице римской цивилизации – царству персидских Сасанидов. Влияние Востока неизбежно возрастало, пока наконец император Константин Великий не перешел в восточную религию и не перенес свою столицу на восток – Византий на Босфоре. В следующем веке, когда ослабленной внутренним разложением империи пришлось столкнуться с натиском варваров, Запад погиб, а Восток выжил, в первую очередь благодаря политике Константина. Пока в Галлии, Испании, Африке, в далекой Британии и, наконец, в Италии возникали варварские королевства, римский император управлял восточными провинциями из Константинополя. Римское правительство редко пользовалось популярностью в Сирии и Египте. Константинопольское правительство вскоре стало вызывать еще более яростное отторжение. В значительной мере причиной этой ненависти были внешние обстоятельства. Обнищание Запада означало потерю рынков для сирийских торговцев и египетских производителей. Постоянные войны с Персией прервали торговый путь, который шел через пустыню к Антиохии и городам Ливана; а немного погодя падение Абиссинской империи и хаос в Аравии закрыли и красноморские пути, где хозяйничали мореходы Египта и владельцы караванов Петры, Трансиордании и Южной Палестины. Константинополь превращался в главный рынок империи: торговля с дальними странами Востока при поддержке императорской дипломатии стремилась найти к ним прямой, более северный путь через степи Центральной Азии. Это вызывало негодование жителей Александрии и Антиохии, и так уже завидовавших городу-выскочке, который угрожал вскоре совсем их затмить. Еще больше возмущало сирийцев и египтян то, что в основе новой административной системы лежала централизация. Местные права и автономии постепенно обрезались; сборщики налогов становились еще строже и требовательнее, чем в старые римские дни. Недовольство придавало силу восточному национализму, который никогда надолго не утихал.

Выход открытой борьбе дали религиозные споры. Языческие императоры терпимо относились к локальным культам. Местные боги легко вписывались в римский пантеон. Одни только упрямые единобожники вроде христиан и иудеев порой страдали от притеснений. Но христианские императоры уже не могли позволить себе проявлять такую веротерпимость. Христианство – религия исключительная; и они хотели сделать ее объединяющей силой ради того, чтобы подчинить всех своих подданных своей власти. Константин, человек довольно расплывчатых религиозных воззрений, стремился объединить церковь, которую тогда разрывал конфликт по поводу арианства. Полвека спустя Феодосий Великий ввел соблюдение догматов в императорскую политику. Но не так просто добиться того, чтобы все соблюдали догматы. Восток когда-то с энтузиазмом проникся христианством. Греки взялись за его тонкости со всей своей любовью к дотошнейшим дебатам, а эллинизированные жители Востока прибавили к ней яростную, страстную горячность, которая вскоре переродилась в нетерпимость и ненависть. Главным предметом их споров была природа Христа – центральный и самый трудный вопрос всей христианской теологии. Споры эти имели богословский характер, но в те времена любой

¹ В настоящее время установлено, что патриарх Софроний и Софроний, друг Иоанна Мосха, – одно и то же лицо. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)

человек с улицы интересовался богословскими спорами, и это развлечение превосходили по увлекательности разве что игры на арене. Но богословием дело не ограничивалось. Типичный сириец или египтянин хотел ритуалов попроще, нежели обряды православной церкви со всей их пышностью. Церковная роскошь оскорбляла его во все более глубокой нищете. Более того, он считал православных прелатов и священников агентами константинопольского правительства. А его высшее духовенство из зависти легко переходило к такой же враждебности. Патриархи древних церквей Александрии и Антиохии с негодованием следили за тем, как их братец-высочка Константинополь одерживает над ними верх. В таких условиях неизбежно должны были возникать ереси, приобретая форму националистического и подрывного движения.

Вскоре арианство затухло на Востоке, за исключением Абиссинии; но ереси V века оказались более живучими. В начале века Несторий, урожденный сириец, патриарх Константинопольский, обнаружил доктрину, которая выводила на первое место человеческую природу Христа. Богословы антиохийской школы издавна склонялись в эту сторону, и Несторий нашел много единомышленников в Северной Сирии. Его учение осудили как еретическое на Вселенском соборе в Эфесе 431 года, после чего откололось множество сирийских общин. Несториане, объявленные в империи вне закона, обосновались в месопотамских владениях персидского царя. Вскоре они со всеми своими силами взялись за миссионерский труд на более далеком Востоке: в Индии, Туркестане и даже в Китае; но в VI и VII веках у них еще оставались церкви в Сирии и Египте, которые в основном посещали купцы, что вели торговлю с дальними восточными странами.

Полемика о несторианстве породила другую, еще более ожесточенную. Александрийские богословы, окрыленные двойной победой – над антиохийскими учениями и патриархом Константинопольским, сами вышли за границы православия, но в противоположном направлении. Они выдвинули доктрину, по-видимому отрицавшую человечность Христа. Эту ересь иногда называют евтихианством по имени Евтихия, одного малоизвестного священника, впервые предложившего эту идею. Но больше она известна под именем монофизитства. В 451 году ее осудил IV Вселенский собор, состоявшийся в Халкидоне; и монофизиты в негодовании откололись от общего тела Христовой Церкви и увели за собой большинство христиан Египта и несколько сирийских общин. Армянская церковь, чьи делегаты опоздали на дебаты в Халкидон, отказались принимать постановления собора и встали на сторону монофизитов. Позднее императоры неустанно искали какую-то примирительную формулу, которая навела бы мост между расколотыми фракциями и при поддержке Вселенского собора могла бы быть принята в качестве уточненного догмата истинной веры. Но против них играло два фактора. Еретики не особенно стремились вернуться в паству, разве что на собственных и неприемлемых условиях; да и отношение Рима и западной церкви упорно противилось компромиссу. Папа Лев I, исходя из того взгляда, что определять Символ веры должен наместник святого Петра, а не Вселенский собор, и не имея терпения, чтобы вникать в диалектические тонкости, которых он не понимал, выступил с окончательным постановлением о том, какая точка зрения по данному вопросу должна считаться верной. Это постановление, оставшееся в истории как Томос к Флавиану, хотя и игнорировало тонкости спора, было принято собравшимися в Халкидоне сановниками церкви в качестве основы для обсуждения, и использованные в Томосе формулировки вошли в решения собора. Постулаты папы Льва были прямыми и четкими, как бревно, и не допускали ни превратного толкования, ни модификации. Любой компромисс с целью задобрить еретиков означал отход от них и вследствие этого схизму, раскол с Римом. Этого не мог позволить себе ни один император, который имел интересы и планы в Италии и на Западе. Попав в тиски подобной дилеммы, императорское правительство так и не сумело разработать последовательного курса. Оно колебалось между преследованием и задабриванием еретиков,

по мере того как возрастали их силы в провинциях Востока при поддержке возрождающегося национализма местных жителей.

Кроме монофизитов и несториан, в восточных провинциях сложилась и еще одна община, которая постоянно сопротивлялась императорскому правительству, а именно иудейская. Значительная доля евреев жила во всех крупнейших городах Востока. Они были в какой-то степени поражены в гражданских правах; порой возникали погромы, жертвами которых становились и они сами, и их имущество. В отместку они не упускали ни единой возможности причинить вред христианам. Их финансовые ресурсы и широкие связи превращали их в потенциальную угрозу для властей.

В течение VI века ситуация усугубилась. Войны Юстиниана на Западе были долгими и дорогостоящими. Они наносили ущерб его религиозной политике и приводили к повышению налогов, притом что не создавали для его восточных подданных возможностей компенсировать потери. Больше всего пострадала Сирия; ибо, помимо налогового бремени, она подверглась ряду жестоких набегов персидских армий и серии разрушительных землетрясений. Процветали только еретики. Иаков Барадей из Эдессы организовал сирийских монофизитов в грозную силу при поддержке сочувствовавшей им императрицы Феодоры. С тех пор их церковь стала называться сиро-яковитской. В число египетских монофизитов, получивших имя коптов, вошло почти все коренное население страны. Несториане, безопасно окопавшиеся за персидской границей и быстро расширявшиеся на Восток, упрочили свои позиции в пределах империи. За исключением палестинских городов, православные оказались в меньшинстве. Их презрительно называли мелькитами, приспешниками императора, и не без причины, ибо само их существование зависело от власти и авторитета императорской администрации.

В 602 году императорский трон захватил центурион Фока. Он правил топорно и некомпетентно; и пока в Константинополе водворилось царство террора, в провинциях разгорались мятежи и гражданские войны между городскими фракциями и между соперничающими религиозными сектами. В Антиохии сиро-яковитские и несторианские патриархи открыто провели совместный собор для обсуждения общих действий против православных. В наказание Фока прислал армию, которая перебила огромное число еретиков при охотной помощи евреев. Два года спустя восстали и сами евреи и замучили до смерти православного патриарха города.

В 610 году Фоку сместил молодой аристократ армянского происхождения – Ираклий, сын экзарха Африки. В том же году персидский царь Хосров II закончил подготовку к вторжению и расчленил империю. Персидская война продолжалась девятнадцать лет. Двенадцать лет империя оборонялась, пока одна персидская армия оккупировала Анатолию, а другая завоевывала Сирию. Антиохия пала в 611 году, Дамаск – в 613-м. Весной 614 года персидский военачальник Шахрвараз вошел в Палестину, опустошая страну и сжигая церкви на своем пути. Он пощадил только храм Рождества в Вифлееме из-за мозаики на его дверях с изображением волхвов с Востока в персидских нарядах. 15 апреля он осадил Иерусалим. Патриарх Захария был готов открыть ворота города, чтобы избежать кровопролития; но жители-христиане отказались покорно сдаться. 5 мая с помощью находившихся в городе евреев персы сумели ворваться за его стены. Последовали зверства, леденящие кровь. В отвесах полыхавших домов и церквей христиан резали всех без разбору, многих перебили персы, но еще больше – евреи. По некоторым сведениям, погибло шестьдесят тысяч человек, а тридцать пять тысяч были проданы в рабство. Священные реликвии города – Крест Господень и орудия Страстей Христовых – удалось спрятать, но их нашли и вместе с патриархом отправили на Восток в дар царице Персии, христианке – несторианке Марьям. Опустошение в городе и его окрестностях было таково, что и по сей день страна полностью от него не оправилась.

Три года спустя персы вторглись в Египет и в течение года полностью им овладели. Между тем на севере их полчища достигли Босфора.

Падение Иерусалима стало для христиан чудовищным потрясением. Роль, которую сыграли в этом евреи, они не могли ни забыть, ни простить, и война с персами приобрела характер священной. Когда в 622 году Ираклий в конце концов смог начать наступление, он торжественно принес обет Богу за себя и свою армию и отправился воевать как христианский воин с силами тьмы. Для последующих поколений он стал первым из крестоносцев. Вильгельм Тирский включает в свою историю Крестовых походов, написанную пять веков спустя, рассказ о персидской войне, а старый французский перевод этой книги был известен под названием *Livre d'Eracles*, «Жизнеописание Ираклия».

Поход оказался успешным. После множества превратностей, долгих дней тревог и отчаяния Ираклий в конце концов разгромил персов при Ниневии в декабре 627 года. В начале 628 года царь Хосров был убит, и его преемник запросил мира; однако мир установился лишь в 629 году, и завоеванные провинции вернулись в империю. В августе Ираклий отпраздновал свой триумф в Константинополе. Следующей весной он снова отправился на юг, чтобы вернуть Святой Крест и торжественно водворить его в Иерусалим.

Это была трогательная сцена. Однако христиане Востока не так уж плохо поживали при персах. Вскоре евреи впали в немилость у Хосрова, и он даже выгнал их из Иерусалима. Его двор благоволил к несторианам, но сам он официально отдавал равное предпочтение монофизитам и православным. Им вернули и вновь отстроили церкви; и при его покровительстве в персидской столице Ктесифоне состоялся собор для обсуждения вопроса о воссоединении сект. Возвращение императорской администрации, как только утихли первые восторги победы, принесло выгоду одним только православным. Ираклий унаследовал пустую казну. Оплатить свои войны он мог только за счет огромного займа у церкви. Взятый у Персии добычи оказалось недостаточно, чтобы расплатиться за него. Сирийцам и египтянам снова пришлось раскошелиться на высокие налоги и смотреть на то, как от их денег разбухают сундуки православных иерархов.

Не улучшил Ираклий положения и своей религиозной политикой. Сначала он принял меры против евреев. Император не испытывал к ним никакой вражды, и даже по дороге в Иерусалим он остановился в доме у одного гостеприимного еврея в Тивериаде, однако ему стало в полной мере известно о том, какую роль сыграли они во время персидских нашествий. Возможно, им двигало также и неясное пророчество, в котором говорилось о том, что обрезанный народ погубит империю, и он приказал насильно окрестить всех евреев в пределах государства и написал королям Запада, призывая их поступить так же. Выполнить приказ было невозможно, но он дал ревностным христианам прекрасную возможность расправиться с ненавистным племенем. Единственным результатом его деяний стало то, что иудеи пуще прежнего возненавидели императорское правление. Затем император бросился в бурные воды христианского богословия. Патриарх Константинопольский Сергей, сам сирийский монофизит по рождению, много лет разрабатывал учение, которое, как ему думалось, должно было примирить монофизитов с православными. Ираклий дал ему свое одобрение; и новая доктрина, известная в истории как моноэнергизм, была обнародована по всей империи сразу, как только закончилась война с персами. Но несмотря на поддержку императора и патриарха и осторожное одобрение римского понтифика Гонория, она нигде не пользовалась популярностью. Монофизитские иерархи отвергли ее наотрез. Большинство православных во главе с великим мистиком Максимом Исповедником в Константинополе и Софронием на Востоке сочли ее столь же неприемлемой. Ираклий, больше с энтузиазмом, чем с осмотрительностью, упорно предпринимал попытки навязать ее своим подданным. Но, не считая его вельмож и немногих армян и ливанцев, которые позднее стали называться маронитами, доктрина не нашла сторонников. Позднее Ираклий видоизменил ее, и его опубликованный в 638 году «Эктезис» так же безуспешно ратовал уже за монофелитство. Вся эта эпопея, которая была окончательно прояснена

лишь на VI Вселенском соборе в 680 году, только усугубила вражду и неразбериху, которые портили жизнь христианам Востока.

Говорят, что, когда в 629 году в Константинополе Ираклий принимал поздравительные посольства из таких дальних стран, как Франция и Индия, ему пришло письмо от одного вождя арабского клана, который объявлял себя Божьим пророком и призывал императора принять его веру. Такие же письма были посланы царям Персии и Абиссинии и правителю Египта. История эта, вероятно, апокриф. Едва ли Ираклий в то время имел хоть какое-то представление о великих событиях, которые в конце концов произвели революцию на Аравийском полуострове. В начале VII века Аравию заселяли непокорные, независимые племена, часть их кочевые, часть – оседлые, а немногие жили в торговых городах, протянувшихся вдоль караванных маршрутов. Это была страна идолопоклонников. У каждой местности были свои божки, но самым священным из идолов была Кааба в Мекке, главном купеческом городе. Однако идолопоклонство уже начинало терять свои позиции, ибо Аравию уже давно обрабатывали еврейские, христианские и зороастрийские миссионеры. Зороастрийцы добились успеха только в тех районах, которые находились под политическим влиянием персов, на северо-востоке и позднее на юге. Евреи поселились во многих арабских городах, в первую очередь в Медине, и обратили немалое число арабов в свою веру. Христиане добились самых широких результатов. У православного христианства были последователи на Синае и в Петре. Несториане, как и зороастрийцы, сконцентрировались там, где им покровительствовали персы. Но монофизиты имели общины вдоль великих караванных путей вплоть до самого Йемена и Хадрамаута; а многие крупные племена на краю пустыни, такие как Бану Гассан и Бану Таглиб, были полностью монофизитскими. Арабские купцы, часто приезжавшие в города Сирии, Палестины и Ирака, имели немало возможностей узнать о религиях цивилизованного мира, притом что и в самой Аравии существовала традиция монотеизма – ханифизм. В то же время Аравия ощущала потребность в расширении. Скудных ресурсов полуострова, которые еще более обеднели после разрушения ирригационных систем химьяритов², не хватало для растущего населения. На протяжении всей письменной истории пустынные племена постоянно изливались на окружающие возделанные земли; и в тот момент давление стало особенно сильным.

Своеобразный и невероятный гений Мухаммеда прекрасно вписался в эти обстоятельства. Он происходил из священного города Мекки, будучи бедным сородичем его влиятельнейшего клана – курайшитов. Он путешествовал, повидал мир и изучил его религии. Особенно его привлекло монофизитское христианство; однако учение о Троице казалось ему не соответствующим чистому единобожию, которое восхищало его в традиции ханифов. Учение, которое он разработал сам, не полностью отвергало христианство, но, скорее, было его исправленным и упрощенным вариантом, который его народу было гораздо легче принять. Своим успехом в качестве религиозного вождя он прежде всего обязан тому, что понимал арабов. Даже будучи гораздо талантливее их, он искренне разделял их чувства и предрассудки. Вдобавок он обладал необычайными политическими способностями. Это сочетание качеств позволило ему за десять лет возвести на пустом месте империю, готовую завоевать весь мир. В 622 году, в год хиджры³, весь круг его последователей ограничивался домочадцами да небольшой группой друзей. В 632 году, ко времени его смерти, он стал властелином Аравии, и его армии уже переходили ее границы. Внезапное вознесение смелых выскочек не так уж редко встречается на Востоке, но обычно их так же внезапно постигает и крах. Мухаммед, однако, оставил после себя живучую организацию, деятельность которой поддерживал Коран. Этот потрясающий труд, изложенный пророком как слово Божье, содержит не только возвышающие душу изречения и рассказы,

² **Химьяриты** – древний семитский народ в Южной Аравии. (Примеч. пер.)

³ **Хиджра** – переселение мусульман во главе с Мухаммедом из Мекки в Медину, считающееся началом первого исламского государства. (Примеч. пер.)

но и правила поведения в обычной жизни и управления империей, а также полный свод законов. Он был достаточно прост, чтобы его приняли современные пророку арабы, и достаточно универсален, чтобы ответить на нужды огромного царства, которое суждено было создать его последователям. Более того, сила ислама как раз в его простоте. В небесах один Бог, у правоверных один предводитель, чтобы править ими на земле, и один закон – Коран, по которому он и должен править. В отличие от христианства, которое проповедовало мир, но так его и не достигло, ислам без всякого смущения взял в руки меч.

Меч этот ударил по провинциям Римской империи еще при жизни пророка, когда арабы совершили несколько мелких и не слишком успешных набегов в Палестину. При преемнике Мухаммеда Абу Бакре политика экспансии стала открытой. Завоевание Аравии завершилось изгнанием персов из зависимого Бахрейна, а арабская армия пересекла Петру, прошла по торговому пути на южное побережье Палестины, разгромила местного правителя Сергия где-то в районе Мертвого моря и продолжила наступление на Газу, которую захватила после недолгой осады. К жителям города победители отнеслись великодушно, но солдаты гарнизона стали первыми христианскими мучениками, погибшими от меча ислама.

В 634 году Абу Бакра сменил Умар, который унаследовал его планы расширения мусульманской державы. Между тем император Ираклий, все еще находившийся в Северной Сирии, осознал, что на арабские нашествия уже нельзя смотреть сквозь пальцы. Ему не хватало людей. Персидская война нанесла империи тяжелые потери. После окончания войны Ираклий распустил множество войск из соображений экономии, а новобранцы в армию не стремились. По всей империи воцарилась та атмосфера апатии и пессимизма, которая так часто поражает в равной мере и победителей, и побежденных после долгой и кровопролитной войны. Тем не менее он послал своего брата Феодора во главе войск сирийской провинции водворить порядок в Палестине. Феодор встретил две основные арабские армии при Аджнадаине, юго-западнее Иерусалима, и потерпел полный разгром. Арабы, надежно укрепившись в Южной Палестине, затем двинулись вдоль торгового пути, который шел на восток от Иордана к Дамаску и долине Оронта. Тивериада, Баальбек и Хомс пали перед ними без сопротивления, а Дамаск капитулировал после короткой осады в августе 635-го. Это вселило в Ираклия глубокую тревогу. Не без труда он сумел собрать и послать на юг две армии. Одну составляли армянские призывники под началом армянского князя Ваана и большое число крещеных арабов во главе с шейхом Бану Гассан. Другой командовал Феодор Трифирий, и она состояла из смешанных войск. Прослышав об их приближении, мусульмане ушли из долины Оронта и Дамаска и отступили к Иордану. Трифирий нагнал их у Джабийи в Хауране, но был разбит. Ему, однако, удалось удержать позиции на реке Ярмук, на юго-востоке от Галилейского моря, вплоть до подхода армии Ваана. Там 20 августа 636 года в слепящих клубах песчаной бури состоялось решающее сражение. Христиане имели численное превосходство; но противник обыграл их искусным маневром; и в разгар сражения полководец Гассанид и двенадцать тысяч арабов-христиан перешли на сторону врага. Это были монофизиты, и они ненавидели Ираклия; к тому же им много месяцев не платили. Организовать эту измену было нетрудно, и она и решила вопрос. Мусульмане одержали полную победу. Трифирий и Ваан погибли почти со всеми своими войсками. Перед победителями открылась прямая дорога в Палестину и Сирию.

Ираклий находился в Антиохии, когда до него добежали вести о битве. Он совершенно пал духом; это Божья десница покарала его за кровосмесительный брак с племянницей Мартиной. У него не осталось ни людей, ни денег, чтобы и дальше защищать провинцию. После торжественного молебна о ниспослании помощи в соборе Антиохии он отправился к морю и сел на корабль до Константинополя, покидая берег с горькими слезами на глазах: «Прощай, Сирия, прощай навсегда»⁴.

⁴ Историю о молебне Ираклия и прощальных словах приводит Михаил Сириец и несправедливо обвиняет императора в

Вскоре арабы овладели всей страной. Христиане-еретики сдавались перед ними без боя. Евреи активно оказывали им помощь и служили им проводниками⁵. Только в двух великих городах Палестины – Кесарии и Иерусалиме – арабы встретили организованное сопротивление, а также в крепостях Пелла и Дара на персидской границе. В Иерусалиме после новостей о битве при Ярмуке Софроний велел укрепить оборонные сооружения города. Затем, услышав, что враг уже достиг Иерихона, он собрал святые реликвии христианства и ночью отправил их на побережье, чтобы их доставили в Константинополь. Они не должны снова попасть в руки неверных. Иерусалим больше года продержался в осаде. Кесария и Дара выстояли до 639 года. Но к тому времени они уже оставались всего лишь одинокими аванпостами. Крупнейший город Востока Антиохия пал за год до того; и вся страна от Суэцкого перешейка до Анатолийских гор оказалась в руках мусульман.

Между тем они уничтожили исконную соперницу Рима – Персию. Их победа при Кадисии в 637 году обеспечила им Ирак, а вторая победа – в следующем году в Нехавенде – открыла для них Иранское нагорье. Царь Йездегерд III, последний из Сасанидов, продержался в Хорасане до 651 года. К тому времени арабы дошли до его восточных границ на Оксе и в афганских горах.

В декабре 639 года мусульманский военачальник Амр с четырьмя тысячами солдат вторгся в Египет. В делах управления провинцией царила неразбериха после окончания персидской оккупации; и тогдашний ее правитель, патриарх Александрийский Кир, не отличался ни умом, ни порядочностью. Он был обращенным из несториан и главным проводником монофелитской доктрины императора, которую собирался навязать коптам, невзирая на их сопротивление. Его так сильно ненавидели, что Амр без труда нашел союзников среди его подданных. В начале 640 года после двухмесячной осады Амр овладел крупной пограничной крепостью Пелузий. Там к нему подошли подкрепления от халифа. Оттуда он двинулся на Вавилон (Старый Каир), где был сосредоточен имперский гарнизон. После битвы, состоявшейся в Гелиополе в августе 640 года, римляне были вынуждены отступить в цитадель Вавилона, где они продержались до апреля 641 года. Между тем арабы заняли Верхний Египет. После падения Вавилона Амр прошел через Файюм, двигаясь к Александрии, и тамошний правитель вместе с гарнизоном бежал в страхе. Кира вызвали в Константинополь по обоснованному подозрению в том, что он заключил изменнический пакт с Амром. Но в феврале Ираклий умер, а его вдова, императрица-регентша Мартина, сама находилась в слишком ненадежном положении в Константинополе, чтобы защищать Египет. Кира отправили назад, чтобы он заключил договор на любых условиях, которых сумеет добиться. В ноябре он отправился к Амру в Вавилон и подписал капитуляцию Александрии. Но тем временем Мартину сместили, и новое правительство отвергло и самого Кира, и его договор. Амр и так уже нарушил его со своей стороны, вторгшись в Пятиградье и Триполитанию. Однако удержать Александрию казалось невозможно, когда весь остальной Египет находился в руках у арабов. Город капитулировал в ноябре 642 года. Но надежда еще не умерла. В 644 году стало известно об опале Амра, которого вызвали в Медину. По морю из Константинополя прислали новую армию, которая легко отвоевала Александрию в начале 645 года, а затем пошла на Фостат, столицу Амра, основанную им возле Вавилона. Амр вернулся в Египет и разгромил имперские силы у Фостата. Их полководец, армянин Мануил, отступил в Александрию. Пораженный тем, с каким полнейшим безразличием крещеные жители города отнеслись к попытке вернуть страну в лоно христианства, он уже не пытался оборонять город и погрузился на корабли, чтобы отправиться в Константинополь. Коптский патриарх Вениамин вернул Александрию в руки Амра.

том, что перед отъездом тот разграбил сирийские города.

⁵ Роль, которую сыграли в этом иудеи, подчеркивается во всех первоисточниках, особенно у Себеоса и в «Учении Иакова», написанном константинопольским иудеем, который в то время находился в Карфагене.

Египет был потерян навсегда. К 700 году римская Африка уже полностью находилась в руках арабов. Одиннадцать лет спустя они оккупировали Испанию. В 717 году их империя протянулась от Пиренеев до Центральной Индии, а их воины уже барабанили в стены Константинополя.

Глава 2. Царство антихриста

Со сторожевой башни нашей мы ожидали народ, который не мог спасти нас.

Плач Иеремии, 4: 17

Христиане Востока благосклонно восприняли господство своих басурманских господ. Они и не могли поступить иначе. Теперь оставалась лишь малая вероятность того, что Византия, как в дни персидской войны, поднимется снова ради освобождения святых мест. Арабы, оказавшись мудрее персов, скоро построили флот, базировавшийся в Александрии, который вырвал у византийцев самое ценное, чем они обладали, – господство на море. А на суше захватчики сохраняли наступательный импульс почти в течение трех веков. Казалось, бессмысленно надеяться на то, что спасение придет со стороны христианских государей.

Да таковое спасение и не обрадовало бы еретические секты. Им смена правителей принесла облечение и удовлетворение. Сиро-яковитский патриарх Антиохии Михаил Сириец, писавший пять веков спустя, уже в дни латинских королевств, выразил древнее предание своего народа, сказав: «Господь отмститель, который один Всемогуш... поднял с юга исмаилитов, чтобы с их помощью избавить нас от власти римлян». Это избавление, добавил он, «принесло нам большое благо». Эти чувства разделяли и несториане. «Сердца христиан, – гласит анонимная несторианская хроника, – возрадовались от господства арабов – да укрепит их Господь и даст им процветание!» Египетские копты проявили чуть меньше благодушия, но их враждебность была направлена скорее против жестокого завоевателя Амра и его вероломства и поборов, чем против арабского народа и веры. Даже православные, видя, что на них нет гонений, которых они боялись, и что их подати, несмотря на джизью, которой облагались христиане, намного ниже, чем при византийцах, не особенно проклинали свою судьбу. Некоторые горные племена – мардаиты Ливана и Таврских гор – все еще продолжали борьбу, но они боролись не столько за веру, сколько из собственной незаконности и гордости.

Следствие арабского завоевания состояло в том, что оно перманентно зафиксировало восточные церкви в том положении, в котором они находились на тот момент. В отличие от христианской империи, которая пыталась навязать религиозное единообразие всем своим подданным – так никогда и не достигнутый идеал, ибо евреев невозможно было ни обратить, ни изгнать, – арабы, как и персы до них, были готовы смириться с религиозными меньшинствами при условии, что те относились к людям Писания. Христиане вместе с зороастрийцами и евреями стали зимми – защищаемыми народами, чью свободу вероисповедания гарантировала уплата джизьи, которая сначала была подушной податью, но вскоре превратилась в налог, уплачивавшийся вместо воинской повинности, к которому также прибавился новый земельный налог – харадж. Каждая секта считалась своего рода миллетом – полуавтономной общиной в рамках государства, которой управляет религиозный вождь, отвечая за поступки ее членов перед правительством халифа. Каждая община сохраняла свои культовые сооружения и места, которыми владела ко времени завоевания, и этот план больше устраивал православных христиан, нежели еретиков, поскольку Ираклий успел вернуть им множество церквей. Но это правило соблюдалось не строго. Мусульмане забрали некоторые христианские церкви, например большой собор Святого Иоанна в Дамаске, и периодически разрушали многие другие; при этом происходило постоянное строительство немалого числа церквей и синагог. Более того, позднее исламские правоведы признали право зимми на возведение зданий при условии, что они были не выше мусульманских, а звук их колоколов и богослужений не достигал ушей правоверных. Однако правило о том, что зимми должны носить отличающуюся одежду, и запрет для них на верховую езду строго выполнялись; также они не имели права публично выступать против

мусульманских обычаев или пытаться обратить мусульман, жениться на мусульманках и прерзительно говорить об исламе; а кроме того, они должны были хранить верность государству.

Система миллетов установила несколько иную концепцию, нежели понималась под национальностью. Национализм на Востоке в течение многих веков основывался не на расе, не считая евреев, чья религиозная исключительность сохранила их кровь относительно чистой, а на культурных традициях, географическом положении и экономических интересах. Теперь же верность религии заменила национальную верность. Египтянин, к примеру, считал себя не гражданином Египта, а мусульманином, или коптом, или православным, в зависимости от религиозной принадлежности. И преданность он хранил именно своей вере или миллету. Это давало православным преимущество перед еретическими сектами. Их по-прежнему называли мелькитами – людьми императора; да и сами они считали себя людьми императора. Жестокая необходимость ввергла в неволю под власть иноверцев, чьи законы они были обязаны соблюдать, но император оставался Божьим наместником на земле и их подлинным государем. Святой Иоанн Дамасский, сам будучи чиновником на службе при халифском дворе, хотя и категорически расходился с императором по теологическим вопросам, неизменно называл его господином и повелителем, а своего прямого владыку звал просто эмиром. Восточные патриархи, которые в IX веке писали императору Феофилу, протестуя против его религиозной политики, употребляли те же формулировки. Императоры взяли на себя эту ответственность. Во всех своих войнах и дипломатических сношениях с халифами они не забывали о благе православных, находившихся за границами империи. Это был вопрос не административный. Они не могли вмешиваться в повседневное управление на мусульманских землях; так же и патриарх Константинопольский не обладал никакой юрисдикцией над своими восточными собратьями. Это было выражение, сентиментальное, но все же мощное, той неумирающей идеи, что христианство едино и неделимо и что император остается олицетворением его единства.

У еретических церквей не было такого светского защитника. Они полностью зависели от расположения халифа, и из-за этого пострадали их влияние и авторитет. Более того, их ереси в значительной степени возникали из-за желания жителей Востока упростить христианские догматы и богослужебную практику. Ислам, который был достаточно близок к христианству, чтобы многие считали его всего лишь более развитой формой христианства, и который теперь обладал огромным социальным преимуществом, будучи вероисповеданием нового правящего класса, был для многих легко доступен. У нас нет данных о том, сколько человек перешло из христианства в ислам; но можно считать установленным, что подавляющее большинство новообращенных вышло из еретических церквей, а не православия. За век после завоевания Сирии, чьи граждане в основном относились к еретическим течениям, стала преимущественно мусульманской страной, при этом количество православных уменьшилось весьма незначительно. В Египте копты благодаря своей вере не так быстро сдавали свои позиции, но тоже проигрывали эту битву. С другой стороны, система миллетов способствовала сохранению еретических сект и, стабилизируя их положение, делала невозможным воссоединение церквей.

Число приверженцев ислама в Сирии и Палестине росло не по причине внезапного притока арабов из пустыни. Армии завоевателей были не так уж велики. Они превратились не более чем в военную касту, господствовавшую над уже имеющимся населением. Этнический состав местных жителей практически не изменился. Горожане и крестьяне, будь то перешедшие в ислам или остававшиеся христианами, уже вскоре начали говорить на арабском языке в повседневной жизни; и сейчас мы в широком смысле называем их потомков арабами, однако они сформировались из смешения множества народов и племен, населявших эти земли еще до того, как Израиль вышел из Египта, амаликитян, иевусеев, моавитян и финикийцев, народностей вроде филистимлян, которые жили там почти так же долго, а также арамеев, которые на протяжении всей письменной истории медленно и почти незаметно проникали на возделанные земли, и евреев, которые, подобно первым апостолам, влились в Христову Церковь. Лишь

практикующие иудаизм сохранили этническое отличие, но и их расовая чистота была отчасти загрязнена. В Египте хамитские народы смешивались не так сильно; однако их численность увеличилась за счет браков с переселенцами из Сирии и пустынь, верховий Нила и побережья всего Средиземноморского бассейна.

Как следствие, самой плотной арабская иммиграция была в тех районах, что граничили с пустыней, и в городах, расположенных вдоль караванных путей, которые шли по ее краю. Упадок морской торговли на Средиземном море после завоевания придал этим городам с их преимущественно мусульманским населением большую важность, нежели у эллинистических городов на побережье. Александрия была единственным крупным портом, которым владели арабы в Средиземноморье. Там и в эллинистических городах Сирии еще оставалось множество христиан, которых, вероятно, было больше, чем мусульман. Примерно та же пропорция сохранялась и в сирийских деревнях. Внутренние равнины и долины все больше становились мусульманскими, но между Ливаном и морем преобладали христиане из разнообразных сект. В Египте различия в основном наблюдались между городом и сельской местностью. Феллахи постепенно переходили в ислам, но города оставались в большинстве своем христианскими. В Палестине разделение было не таким четким. Большая часть сельского населения обратилась в ислам, но многие деревни держались и старой веры. В городах, особенно столь важных для христиан, как Назарет и Вифлеем, жили почти исключительно христиане; да и в самом Иерусалиме, несмотря на почтение, которое питали к нему мусульмане, большинство горожан оставалось христианским. Почти все палестинские христиане относились к православному миллету. Кроме того, в Иерусалиме и некоторых менее значительных городах, например Сафед и Тивериаде, существовали крупные колонии иудеев. Главным мусульманским городом стала новая административная столица в Рамле. В этих рамках, которые мы определили в общих чертах, население Сирии, Палестины и Египта пребывало в течение последующих четырех веков.

Пятый халиф – Муавия из династии Омейядов – сначала был наместником в Сирии, и после восшествия на престол в 660 году он перенес свою столицу в Дамаск. Его потомки правили там почти столетие. Это был период процветания для Сирии и Палестины. Халифы Омейяды за несколькими исключениями были людьми необычайно способными и терпимыми, отличаясь широтой взглядов. Пребывание их двора в этой провинции обеспечивало ее эффективное управление и оживленную торговую деятельность; кроме того, они поддерживали культуру, которую обнаружили там. Это была эллинистическая христианская культура, и на нее повлияли идеи и вкусы, которые мы связываем с Византией. В чиновники могли поступить говорившие по-гречески христиане. Многие десятилетия делопроизводство велось на греческом языке. Христианские художники и мастера работали на халифов. «Купол скалы» в Иерусалиме, воздвигнутый для халифа Абдул-Малика в 691 году, является блестящим примером здания-ротонды, построенной в византийском стиле. Ее мозаичное убранство и еще более чудесная мозаика, которой выложен двор Великой мечети в Дамаске, построенной при его сыне аль-Валиде I, относятся к прекраснейшим произведениям византийского искусства. Насколько они были делом рук местных ремесленников и настолько им помогали мастера и материалы, наверняка ввезенные аль-Валидом из Византии, точно сказать невозможно. В этих мозаиках со всею строгостью соблюден запрет пророка на изображение живых существ. Однако в своих сельских дворцах, скрытых от неодобрительных взглядов имамов – например, в охотничьем доме в Каср-аль-Амре, в степях за Иорданом, – Омейяды позволяли свободно изображать на фресках людей, даже обнаженных. Их правление, надо признать, вовсе не прервало развития эллинистической культуры на Ближнем Востоке, которая в то время достигла своего величайшего, но уже последнего расцвета.

Таким образом, у христиан не было повода сожалеть о триумфе ислама. Несмотря на отдельные вспышки гонений, несмотря на немногие уничижительные правила, им жилось лучше, чем при христианских императорах. Порядок поддерживался строже. Торговля шла

хорошо, а налоги стали гораздо ниже. К тому же на протяжении большей части VIII века христианский император был еретиком, иконоборцем, притеснителем всех православных, которые поклонялись святым образам. Добрым христианам счастливее жилось под властью иноверцев.

Но это счастье продлилось недолго. Упадок Омейядов и междоусобные войны, которые привели к основанию империи халифов Аббасидов в Багдаде в 750 году, ввергли Сирию и Палестину в хаос. Беспринципные, никем не контролируемые местные правители наживались на том, что отнимали у христиан церкви, которые тем приходилось потом выкупать. Несколько раз поднимались волны фанатизма с гонениями и принудительным обращением в ислам. Победа Аббасидов восстановила порядок, но все уже было не так, как прежде. До Багдада было далеко. Над администрацией провинции не было неусыпного контроля. Торговля все еще активно шла вдоль караванных путей, но не осталось крупных рынков, чтобы стимулировать ее на местах. Аббасиды оказались более строгими мусульманами, чем Омейяды, и не так охотно проявляли терпимость к христианам. Хотя они тоже опирались на прежнюю культуру, это была культура не эллинистическая, а персидская. Багдад находился на древней территории Сасанидского царства. Главные должности в правительстве получали персы. Мусульмане переняли персидские идеалы в искусстве и персидские привычки в повседневной жизни. Как и при Омейядах, в чиновники брали христиан. Но эти христиане, за несколькими исключениями, были несторианами и смотрели они на Восток, а не на Запад. Аббасидский двор в целом больше интересовался интеллектуальными вопросами, чем омейядский. Несториане безобразно привлекали к переводу философских и научных трудов с древнегреческого; ученых и математиков приглашали даже из Византии преподавать в школах Багдада. Но интерес этот был неглубоким. Греческая мысль в корне не затронула аббасидскую цивилизацию, и та скорее следовала традициям, доставшимся ей от царств Месопотамии и Ирана. Только в Испании, куда бежали Омейяды, ища приюта, эллинистическое влияние продержалось несколько дольше.

Тем не менее множеству христиан при Аббасидах жилось совсем не плохо. Мусульманские авторы, например аль-Джахиз в IX веке, порой обрушивались на них с яростными нападениями, но лишь потому, что христиане слишком уж преуспевали и начинали проявлять высокомерие и пренебрегать ограничительными законами. Патриарх Иерусалимский в послании патриарху Константинопольскому, написанному примерно в то же время, так отзывается о мусульманских властях: они «справедливы, не притесняют нас и не чинят насилия». Они и впрямь часто проявляли поразительную справедливость и сдержанность. Когда в X веке арабы несли потери в войнах с Византией и арабская чернь нападала на христиан, разгневанная их нескрываемой симпатией к врагу, халиф всегда возмещал им причиненный ущерб. Возможно, его действия объяснялись страхом перед возрожденной мощью императора, тем более что в его владениях на тот момент проживали мусульмане, которых он мог бы подвергнуть гонениям в отместку⁶. Православные церкви, имея за спиной поддержку иноземной державы, находились в благоприятном положении. В начале X века несторианин католикос Авраам III во время диспута с православным патриархом Антиохии сказал великому визирю: «Мы, несториане, друзья арабам и молимся за их победы», а затем прибавил: «Негоже вам смотреть на несториан, у которых нет иного царя, кроме арабского, как на греков, чей царь непрестанно воюет с арабами». Однако победить в споре ему помогли не доводы, а дар в две тысячи золотых монет. Единственную группу христиан, к которым арабы были неизменно враждебны, составляли крещенные чистокровные арабы, такие как Бану Гассан или Бану Танух. Такие кланы принуждали перейти в ислам, а тем, кто упорствовал, приходилось искать себе пристанище за границей в Византии.

⁶ В 923 и 924 годах толпа разрушила православные церкви в Рамле, Аскелоне, Кесарии и Дамаске, после чего халиф аль-Муктадир помог христианам отстроить их заново.

Переселение христиан на территорию императора шло непрерывно, да и мусульмане им никак не препятствовали. По-видимому, они также не принимали последовательных мер, чтобы помешать христианам внутри и вне халифата поддерживать тесные отношения даже во времена войны. На протяжении большей части аббасидского периода византийский император был недостаточно силен и не мог сделать многого для своих единоверцев. Провал арабов у Константинополя в 718 году гарантировал, что империя продолжит существовать, но прошло два века, прежде чем Византия смогла предпринять серьезное наступление против арабов. Между тем православные Востока обрели нового чужеземного друга. Подъем империи Каролингов в VIII веке не прошел незамеченным на Востоке. Когда в конце столетия Карл Великий, которого вскоре коронуют императором в Риме, выказал особое внимание к положению дел в Святой земле, его интерес встретили с огромным одобрением. Халиф Харун ар-Рашид, который был рад найти себе союзника в борьбе с Византией, всячески поощрял его старания основывать заведения в Иерусалиме и посылать средства тамошней церкви. На какое-то время Карл заменил византийского императора в качестве монарха, чье могущество было гарантией безопасности для православных в Палестине; и они отплатили за милость тем, что прислали королю знаки своего глубокого почтения. Однако из-за упадка его империи под властью потомков и возрождения Византии участие франков было краткосрочным, и вскоре о нем уже почти ничто не напоминало, кроме разве что гостиниц для паломников, построенных Карлом, и латинских богослужений, проводившихся в храме Святой Марии Латинской, да еще латинских монахинь, служивших при храме Гроба Господня. Но на Западе об этом не забыли. В легендах и преданиях роль Карла преувеличивалась. Вскоре распространилась уверенность, что Карл учредил законный протекторат над святыми местами, а потом что будто бы он даже самолично ездил туда с паломничеством. Франкам последующих поколений право управлять Иерусалимом казалось само собой разумеющимся и законным.

Восточных христиан ближе касалось возрождение византийского могущества. В начале IX века империя пока еще находилась в обороне. Сицилия и Крит были потеряны и отошли к мусульманам; почти каждый год арабы совершали масштабные нашествия в самое сердце Малой Азии. В середине века, в основном благодаря разумной экономической политике императрицы-регентши Феодоры, удалось реорганизовать и переоснастить византийский флот. Благодаря его силе на море Византия снова подтвердила свое владычество над Южной Италией и Далмацией. В начале X века Аббасидский халифат начал быстро деградировать. Возвышались династии на местах, главными из которых были Хамданиды Мосула и Халеба (Алеппо) и Ихшидиды Египта. Первые были прекрасными воинами и рьяными мусульманами и на какое-то время сформировали оплот против византийской агрессии. Но они не могли остановить упадка мусульманской державы. Напротив, они усугубили его, развязывая междоусобицы. В ходе этих гражданских войн Ихшидиды овладели Палестиной и Южной Сирией. Византийцы не преминули воспользоваться благоприятной ситуацией. Сначала их наступление было осторожным, но к 949 году, несмотря на доблесть хамданидского правителя Сайфа ад-Даулы, византийский военачальник Иоанн Куркуас завоевал для империи города и области в Верхней Месопотамии, которые уже три века не видели христианских войск. После 960 года, когда во главе императорской армии встал великий воитель Никифор Фока, события стали развиваться быстрее. В 961 году Никифор отвоевал Крит. В 962 году он провел кампанию на киликийской границе и взял Аназарб и Мараш (Германикею), таким образом изолировав мусульманскую Киликию. В 963 году Никифор занимался домашними делами, планируя государственный переворот, в ходе которого при помощи императрицы-регентши пришел к власти. В 964 году он вернулся на Восток. В 965 году завершил завоевание Киликии, а экспедиция, посланная на Кипр, вернула остров под полный контроль византийцев. В 966 году Никифор действовал на Среднем Евфрате, чтобы прервать сообщение между Халобом и Мосулом. Он взбудоражил весь христианский Восток, который увидел в нем своего скорейшего избавителя. Патриарх

Иерусалимский Иоанн обратился к нему с призывом поспешить в Палестину. Но этот изменнический поступок в кои-то веки переполнил чашу терпения мусульман. Разъяренная толпа местных жителей схватила Иоанна и сожгла на костре.

Надежды Иоанна оказались скороспелыми. В 967 и 968 годах Никифор занимался своими северными границами. Но в 969 году он снова возглавил поход на восток, в самое сердце Сирии. Он прошел по долине Оронта, захватывая и грабя один за другим крупные города Шайзар, Хаму и Хомс, и добрался до окраин Триполи на побережье. Затем он повернул на север, оставив за собой Тортосу, Джабалу и Латакию в языках пламени, а его командиры осадили Антиохию и Халеб. Древний город Антиохия пал в октябре. Халеб сдался в конце года.

Антиохия, где христиан, пожалуй, было больше, чем мусульман, вошла в состав империи, и мусульманам, по-видимому, пришлось ее покинуть. Халеб, полностью мусульманский город, стал вассальным. Договор, заключенный с его правителем, тщательно определял границы между новой имперской провинцией и городами-данниками. Правителя Халеба должен был назначать император. Вассальное государство должно было выплачивать непосредственно в императорскую казну обременительные подати, от которых христиане освобождались. Имперские купцы и караваны получали особые привилегии и защиту. Эти унижительные условия, казалось, предвещали окончательный крах мусульманскому господству в Сирии.

Прежде чем пал Халеб, император погиб в Константинополе от рук императрицы и ее любовника – племянника Никифора Иоанна Цимисхия. Никифор был мрачным и малопривлекательным человеком. Несмотря на его военные победы, в Константинополе его ненавидели за денежные поборы и коррупцию, а также острые разногласия с церковью. Иоанн, уже успевший прославиться как блестящий полководец, сумел без труда сесть на трон и примирился с церковью, отвергнув свою высокопоставленную любовницу. Однако война с Болгарией продержала его в Европе следующие четыре года. Между тем вновь поднял голову ислам во главе с династией Фатимидов, которая воцарилась в Египте и Южной Сирии, а в 971 году даже попыталась отвоевать Антиохию. В 974 году Иоанн смог уделить внимание Востоку. Той же осенью он отправился в Восточную Месопотамию, захватил Нисибин и превратил Мосул в вассальную территорию и даже стал обдумывать молниеносный бросок на Багдад. Однако император понимал, что Фатимиды – куда более опасные противники, чем их соперники Аббасиды, и следующей весной отправился в Сирию. Идя по стопам Никифора, который прошел там за шесть лет до него, Иоанн пронесся по долине Оронта, мимо Хомса, который сдался без боя, и Баальбека, взятого силой, прямо в Дамаск, который пообещал ему дань и смиренную дружбу. Оттуда византийцы двинулись в Галилею, к Тивериаде и Назарету, затем к побережью у Кесарии. Из Иерусалима к императору явились посланцы с мольбами пощадить их и не подвергать город ужасам разграбления. Однако он понимал, что пока ему недостает сил, чтобы идти на сам Святой город, когда у него за спиной остаются непокоренные города финикийского побережья. Он отошел на север, овладел ими один за другим, за исключением укрепленного порта Триполи. Близилась зима, и императору пришлось отложить поход до более благоприятного времени года. По дороге назад в Антиохию он захватил две крупные крепости в горах ан-Нусайрия – Барзуйя и Сахьон – и поставил там свои гарнизоны, а затем вернулся в Константинополь. Но больше уже его кампания не возобновилась. В январе 976 года его постигла внезапная смерть.

Эти войны вновь сделали христианскую империю огромным фактором влияния на Востоке. Более того, они превратились в религиозные, когда перед христианами на Востоке забрезжила перспектива освобождения. До той поры вооруженные конфликты с мусульманами были самыми обычными, велись для обороны империи и, можно сказать, вошли в повседневную жизнь. Хотя порой какой-нибудь одержавший победу мусульманин-фанатик ставил пленных христиан перед выбором – отречься от Христа или умереть, и, хотя их мученическую кончину помнили и почитали, таких случаев было немного. В глазах византийского общества гибель в бою ради защиты от неверных арабов считалась не более почетной, нежели смерть на

войне от рук болгарских христиан; да и церковь не проводила таких различий. Но Никифор и Иоанн заявили, что отныне борьба идет во славу христианства, ради избавления святых мест и уничтожения ислама. Уже в тот момент, когда император праздновал свой триумф над сарацинами, хор пел: «Слава Господу, победителю сарацин»⁷. Никифор подчеркивал, что ведет христианскую войну, возможно, отчасти для того, чтобы наладить отношения с церковью. Он не сумел вынудить патриарха подтвердить указ, которым солдаты, павшие на восточном фронте, объявлялись мучениками, ибо с точки зрения восточной церкви даже военная необходимость не оправдывала акт убийства. Но в своем оскорбительном манифесте в адрес халифа, который император послал тому перед началом кампании 964 года, он представлял себя заступником христианской веры и даже угрожал пойти на Мекку и установить там престол Христа. Иоанн Цимисхий прибегал к аналогичным формулировкам. В письме царю Армении, говоря о своей кампании 974 года, он пишет: «Мы желали освободить Гроб Господень от мусульманского поругания». Он рассказывает, что пощадил галилейские города от разграбления, памятуя об их роли в истории христианской веры, а говоря о вынужденной остановке перед Триполи, прибавляет, что, если бы не это, то он был отправился в Святой город Иерусалим и помолился бы у тамошних святынь.

Арабы всегда больше придавали войне религиозный характер, но и они потеряли былое рвение. Теперь же, напуганные христианами, они попытались вновь разжечь праведный пыл. В 974 году мятежи в Багдаде заставили халифа, которого лично вовсе не огорчил разгром Фатимидов, объявить священную войну – джихад. Казалось, что наконец-то Святая земля вернется под власть христиан. Но православные Палестины ждали напрасно. Преемник Иоанна, законный император Василий II, несмотря на военную доблесть, так и не получил возможности продолжить наступление на юг. Междоусобицы, за которыми последовала долгая война с болгарами, требовали его безраздельного внимания. Лишь дважды он смог побывать в Сирии – чтобы восстановить господство Византии над Халебом в 995 году и дойти до самого Триполи в 999-м. В 1001 году он решил, что дальнейшие завоевания бессмысленны. С халифом Фатимидов заключили перемирие на 10 лет, и затем более чем на полвека воцарился мир, который почти не нарушался. Граница между империями прошла по линии побережья между Баниясом и Тортосой до Оронта южнее Кесарии-Шайзара. Халеб официально оставался в сфере влияния Византии, но династия Мирдасидов, основанная там в 1023 году, вскоре приобрела фактическую независимость. В 1030 году ее эмир нанес разгромное поражение византийской армии. Однако на следующий год Византийская империя компенсировала себе потерю Халеба поглощением Эдессы⁸.

Мир устраивал и византийцев, и Фатимидов, ибо и те и другие были встревожены возрождением Багдадского халифата при тюрках, пришедших в поисках лучшей доли из Центральной Азии. Фатимидский правитель, которого мусульмане-шииты считали истинным халифом, не мог допустить того, чтобы Аббасиды укрепили свои притязания; а Византия считала свою восточную границу более уязвимой, чем южная. Страх перед тюрками заставил Василия II сначала аннексировать армянские провинции, лежавшие ближе всего к империи, а затем захватить самые юго-восточные районы страны – княжество Васпуракан. Его преемники продолжили ту же политику. В 1045 году царь Ани, главный правитель Армении, передал свои земли императору. В 1064 году империя поглотила последнее независимое армянское государство – Карсское царство.

Присоединение Армении было продиктовано военными соображениями. Опыт учил тому, что на армянских князей нельзя полагаться. Да, они были христиане и не могли ожи-

⁷ Вероятно, эти хвалебные гимны впервые прозвучали на праздновании триумфа Михаила III над сарацинами в 863 году.

⁸ В 987–988 годах Василий отправил в Каир послов, которые доставили деньги на уход за Гробом Господним в Иерусалиме. Вплоть до 1081 года Шайзаром управлял епископ от имени императора.

дать никаких выгод от мусульманского завоевания, все же они оставались еретиками и, будучи таковыми, ненавидели православных еще более страстно, чем любых мусульман-угнетателей. Несмотря на постоянную торговлю и культурные связи, несмотря на то, что множество армян переселилось в империю и добилось там высочайшего положения, враждебность так и не угасла. Однако, как показала прошлая приграничная война, из долин Армении было легко проникнуть в самое сердце Малой Азии. С военной точки зрения власти проявили бы непростительную глупость, если бы не попытались взять под свой контроль такой чреватый опасностями регион. Однако в политическом смысле присоединение оказалось не столь благоразумным. Армяне противились византийскому правлению. Хотя византийцы могли укомплектовать границы своими гарнизонами, внутри этих границ проживало многочисленное и недовольное население, всегда готовое на измену и уже сейчас, не связанное узами верности с местным правителем, принявшееся бродить по империи, распространяя беззаконие. Более прозорливый государственный муж, не такой одержимый военными победами, как византийские императоры-полководцы, не торопился бы создать армянский вопрос, уничтожая единство империи и прибавляя к ее подданным строптивое меньшинство.

Северная Сирия перешла в руки христиан, но христиане Южной Сирии и Палестины находили бремя владычества Фатимидов не таким уж тяжким. Им пришлось пережить лишь один короткий период гонений, когда халиф аль-Хаким, сын матери-христианки и воспитанный в основном христианами, внезапно обрушился против авторитетов и догм, окружавших его в детстве. В течение десяти лет, с 1004 по 1014 год, несмотря на все увещания императора, он издавал указы против христиан; он конфисковал церковное имущество, потом стал сжигать кресты и приказывал строить маленькие мечети прямо на крышах церквей, а в конце концов приказал сжечь и церкви. В 1009 году он повелел разрушить сам храм Гроба Господня на том основании, что ежегодное чудо схождения благодатного огня, отмечаемое там в канун Пасхи, – кощунственная подделка, и это не может быть иначе. К 1014 году около тридцати тысяч церквей было разграблено и сожжено, и многие христиане ради спасения собственной жизни для виду приняли ислам. Подобные же меры принимались и против евреев. Однако нужно заметить, что и мусульмане тоже подвергались огульному притеснению со стороны своего религиозного вождя, который при этом не перестал брать к себе на службу христиан. В 1013 году в качестве уступки императору христианам было позволено переселиться на территорию Византии. Гонения остановились лишь тогда, когда аль-Хаким стал убежден в своей собственной божественности. Об этом публично объявил его друг ад-Дарази в 1016 году. Поскольку мусульман подобное поведение повелителя и единоверца шокировало куда сильнее, чем могло бы шокировать неверных, аль-Хаким стал покровительствовать христианам и евреям и нанес удар уже по мусульманам, запретив им поститься на Рамадан и совершать паломничество в Мекку. В 1017 году он дал полную свободу вероисповедания христианам и иудеям. Вскоре около шести тысяч недавно отрекшихся вернулись в паству. В 1020 году церквям вернули конфискованное имущество, в том числе и материалы, взятые из развалин строений. В то же время был отменен закон, требовавший от иноверцев одеваться иначе. Но к тому времени халиф, который велел на богослужениях в мечети произносить его имя вместо имени Аллаха, уже успел вызвать к себе ярость со стороны мусульман. Ад-Дарази бежал в Ливан и основал там секту, чьи приверженцы стали называться друзьями от его собственного имени. Аль-Хаким исчез в 1021 году. Вероятно, с халифом расправилась его честолюбивая сестра Ситт аль-Мульк; но его судьба по сию пору остается покрыта тайной. Друзья верят, что в положенное время он вернется вновь.

После смерти аль-Хакима Палестиной некоторое время владел эмир Халеба Салих ибн Мирдас, но в 1029 году Фатимиды вернули себе полную власть над нею. В 1027 году уже был подписан договор, который позволял императору Константину VIII заняться восстановлением храма Гроба Господня и разрешал еще остававшимся вероотступникам вернуться в христиан-

ство без наказания. Договор возобновили в 1036 году, но фактические работы по перестройке храма начались лишь около десяти лет спустя, при императоре Константине IX. Чтобы присматривать за работами, имперские чиновники беспрепятственно приезжали в Иерусалим, где полностью всем распоряжались, к отвращению местных мусульман и приезжих христиан⁹. По улицам ходило столько византийцев, что среди мусульман поползли слухи, будто приехал сам император. Там процветала колония купцов из Амальфи под протекцией халифа, которая протестовала против того, что их итальянская родина находилась в вассальной зависимости от императора, чтобы разделить получаемые его подданными привилегии. Страх перед византийским могуществом охранял благополучие христиан. Персидский путешественник Насир Хосров, побывавший в Триполи в 1047 году, рассказывает, что в гавани стояло множество греческих торговых кораблей и жители опасались нападения византийского военного флота¹⁰.

В середине XI века христианам жилось в Палестине на редкость привольно. Мусульманские власти не свирепствовали, император заботился об их интересах. Торговля процветала, расширялись коммерческие связи с заморскими христианскими странами. И еще никогда раньше Иерусалим не пользовался такой любовью и богатством, которые принесли ему паломники с Запада.

⁹ Аль-Мукаддаси также рассказывает нам, что в Сирии и Палестине писцы и лекари были почти сплошь христианами, а кожевники, красильщики и ростовщики – евреями.

¹⁰ Аль-Мукаддаси около 985 года писал, что в Сирии «люди живут в ужасе перед византийцами... ибо их границы постоянно разоряют, а крепости разрушают снова и снова».

Глава 3. Паломники Христа

*Вот, стоят ноги наши во вратах твоих, Иерусалим.
Псалом 121: 2*

Склонность к паломничеству глубоко коренится в человеческой натуре. Стоя на той же земле, где когда-то стояли те, перед кем мы благоговеем, глядя своими глазами на те самые места, где они родились, жили и умерли, мы исполняемся ощущением мистической связи с ними и получаем возможность действительно выразить свое преклонение. И если у великих людей всего мира есть свои святилища, куда их поклонники сходятся из дальних уголков, то еще охотнее стекаются толпы к тем местам, где, по их убеждению, землю освятило присутствие самого божества.

В первые дни христианства паломники встречались нечасто. Ранняя христианская мысль, как правило, ставила на первое место божественность и всеобщность Христа, а не его человечность; да и римские власти не поощряли поездок в Палестину. Сам Иерусалим, разрушенный Титом, лежал в руинах, пока Адриан не перестроил его как римский город Аэлию. Но христиане хранили память о том, где разыгралась драма жизни Христа. Они так почитали Голгофу, что Адриан намеренно возвел там храм Венеры Капитолийской. В III веке была всем известна пещера в Вифлееме, где родился Христос, и христиане отправлялись туда, как и на Масличную гору, в Гефсиманский сад и к месту Вознесения. Путешествия в эти святые места, чтобы помолиться и обрести духовные заслуги, уже успели войти в христианскую практику¹¹.

С триумфальным шествием Креста паломничества распространялись все шире. Император Константин охотно укреплял избранную им религию. Его мать, императрица Елена, самая высокопоставленная и удачливая из великих археологов мира, отправилась в Палестину, открыла Голгофу и отыскала все реликвии Страстей Господних. Император поддержал ее открытия тем, что построил там церковь, которая сквозь все превратности оставалась главной святыней христианства, – храм Гроба Господня.

К месту Елениных трудов тут же хлынул поток паломников. Невозможно сказать, сколько их было, поскольку в большинстве своем они не оставляли никаких сведений о своих путешествиях. Но уже в 333 году, еще до окончания раскопок, один странник оставил нам описание своего пути в Палестину от самого Бордо. Вскоре после этого мы находим описание поездки, которую предприняла одна неутомимая дама – одни называют ее Эгерией или Этерией, а другие – блаженной Сильвией Аквитанской. В конце века один из великих отцов латинской церкви – святой Иероним – обосновался в Палестине и увлек за собой кружок богатых и модных женщин, сидевших в Италии у его ног. В своей вифлеемской келье он принимал паломников, которые шли к нему непрерывной вереницей, чтобы отдать ему дань уважения, поглядев на святые места¹². Святой Августин, самый духовно возвышенный из западных отцов церкви, считал, что паломничества не представляют важности и даже опасны, и греческие отцы в основном с ним согласны¹³. Однако святой Иероним, хотя и не утверждал, что факт проживания в Иерусалиме имеет хоть какую-то религиозную ценность, все же говорил, что человек,

¹¹ Иероним в письме XLVI упоминает первые паломничества в Палестину. Первым паломником, чье имя нам известно, был епископ малоазиатской Кесарии Фермилиан, живший в начале III века (Иероним). Затем в III же веке в Палестину отправляется каппадокийский епископ Александр (Евсевий). Ориген говорит о желании христиан «пройти по стопам Христа».

¹² Сам Иероним в письме XLVII рекомендует своему другу Дезидерию побывать в святых местах и объясняет, что, приехав в Палестину, он стал лучше понимать Писания. Однако в минуты досады, как, например, в письме LVIII к Павлину Нолапскому, он говорит, что тот, кто не побывал в Иерусалиме, ничего не потерял.

¹³ Святой Григорий Нисский категорически не одобряет практику паломничества (письмо II). Святой Иоанн Златоуст выражает почти такое же неодобрение («К народу Антиохийскому»), однако в другом месте жалеет о том, что обязанности не позволяют ему совершить паломничество («Толкование на послание к Ефесеянам»).

молящийся в тех местах, где Христос ступал собственными ногами, совершает акт веры. Его мнение было популярнее, чем мнение Августина. Паломников при поддержке властей становилось все больше. По некоторым сведениям, к началу следующего века в самом Иерусалиме и его окрестностях насчитывалось уже двести монастырей и странноприимных домов, построенных для приема паломников, и почти все они находились под патронажем императора.

Середина V века стала зенитом этой новой популярности Иерусалима. Императрица Евдокия, дочь философа-язычника из Афин, не обретя счастья при дворе, поселилась там, и многие набожные представители византийской аристократии последовали ее примеру. В перерывах между написанием стихов она оказывала поддержку растущей моде на собирание реликвий, императрица заложила основание крупной коллекции в Константинополе, прислав туда икону Божьей Матери, написанную святым Лукой.

Ее примеру последовали паломники и с Запада, и из Константинополя. С незапамятных времен предметы материальной роскоши шли в Европу с Востока. Теперь же на Запад потекли и предметы роскоши религиозной. Вначале христианство считалось восточной религией. Большинство раннехристианских святых и мучеников родилось на Востоке. Поклонение святым распространялось все шире. Такие авторитеты, как Пруденций и Эннодий, учили тому, что у мест их упокоения можно обрести помощь свыше и что их останки чудотворны¹⁴. Теперь мужчины и женщины были готовы проделать дальний путь, чтобы посмотреть на святыни. Больше того, они старались заполучить святыню в свои руки, чтобы отвезти ее домой и поместить в тамошнем храме. Главные реликвии – связанные с Христом – оставались на Востоке, пока их не перевезли в Константинополь, а святых – как правило, туда, где они родились. Но кое-какие реликвии попроще стали проникать на Запад, привозимые отдельными счастливыми пилигримами и предприимчивыми купцами или присланные в дар какому-нибудь правителю. Вскоре последовали небольшие части более важных святынь, а потом и сами они целиком. Все это помогло привлечь внимание Запада к Востоку. Вполне ожидаемо жителей Лангра, гордых обладателей пальца святого Маманта, в конце концов охватывало стремление побывать в каппадокийской Кесарии, где когда-то жил святой. Монахини Шамальера, которые хранили у себя в часовне мощи святой Феклы, живо интересовались местом ее рождения в Селевкий Исаурийской. Когда правительница Морьена привезла из своих путешествий большой палец святого Иоанна Крестителя, все ее подруги воспылали желанием поехать и посмотреть на его тело в Самарии и голову в Дамаске. Целые посольства будут отправляться в путь в надежде раздобыть такое сокровище, может быть, даже чашу со Святой Кровью или частицу самого Животворящего Креста. На Западе воздвигались церкви в честь восточных святых и Гроба Господня, и нередко часть их доходов откладывали на то, чтобы посылать деньги в святые места, в честь которых они были названы.

Этим взаимным связям способствовала торговая деятельность, которая по-прежнему велась на побережьях Средиземного моря. Постепенно она приходила в упадок по причине все большего обнищания Запада, а время от времени прерывалась, как, например, когда в середине V века море стало небезопасным для безоружных купцов из-за пиратов-вандалов; и положение еще больше осложнялось из-за вражды и ересей на Востоке. Однако до наших дней дошло множество путевых заметок, написанных в VI веке паломниками с Запада, которые отправлялись на Восток на греческих или сирийских торговых судах; да и сами купцы, помимо пассажиров и товаров, доставляли с собой религиозные новости и слухи. Благодаря путешественникам и торговцам историк Григорий Турский был прекрасно осведомлен о делах на Востоке. Существует изложение беседы, состоявшейся между святым Симеоном Столпни-

¹⁴ Святой Амвросий твердо верил в силу реликвий и самолично нашел несколько из них (письмо XXII). Святой Виктриций в своем «Восхвалении святых» утверждает, что реликвии обладают силой и благодатью. Святой Василий, с другой стороны, желал убедиться в их абсолютной подлинности. См. его письмо к святому Амвросию о мощах епископа Миланского, письмо СХСII.

ком и сирийским купцом, который пришел посмотреть на него на столпе возле Халеба. Симеон спросил о новостях о святой Женеви́еве (Геновефе) Парижской и попросил передать ей привет. Несмотря на религиозные и политические ссоры высших властей, отношения между восточными и западными христианами оставались весьма тесными и душевными.

Арабские завоевания поставили крест на этой эпохе. Сирийские купцы уже не приходили к берегам Франции и Италии с товарами и новостями. В Средиземном море снова появились пираты. Мусульманские правители Палестины подозрительно относились к приезжающим из-за границ христианам. Поездка обходилась дорого и давалась трудно, а у западного христианства было туго с деньгами. Однако общение не прервалось полностью. Западные христиане все так же стремились к восточным святыням и тосковали по ним. Когда в 682 году папу Мартина I обвинили в дружественных отношениях с мусульманами, он объяснил, что им двигало желание получить от них дозволение посылать денежную помощь в Иерусалим. В 670 году франкский епископ Аркульф отправился на Восток и сумел вдоль и поперек объездить Египет, Сирию и Палестину и вернуться через Константинополь, однако его путешествие заняло несколько лет, и он пережил немало лишений. Мы знаем имена и других паломников того времени, например святого Ульфийа из Рю в Пикардии или святого Берхария из Монтье-ан-Дер в Бургундии и его друга Вемера. Но их истории свидетельствуют о том, что только самые стойкие и предприимчивые люди могли рассчитывать добраться до Иерусалима. Похоже, женщины даже не осмеливались отправляться в паломничество.

На протяжении VIII века число паломников возрастало. Люди приезжали даже из Англии; из них самым знаменитым был Виллибальд, который умер в 781 году, будучи епископом Эйхштадта в Баварии. В юности он отправился в Палестину, выехав из Рима в 722 году, и вернулся после многих злоключений в 729-м. В конце века, вероятно, предпринимались попытки сделать паломничества более организованными под патронажем Карла Великого. Карл восстановил порядок, вернул Западу некоторое процветание и установил добрые отношения с халифом Харуном ар-Рашидом. С его помощью возводились гостиницы для пилигримов в Святой земле, и это говорит нам о том, что в его времена немало паломников добиралось до Иерусалима, в том числе и женщин. Монахини христианской Испании приезжали служить при Гробе Господнем. Но такое положение дел продлилось недолго. Империя Карла пришла в упадок. Мусульманские пираты снова появились в Восточном Средиземноморье, а с запада явились скандинавские пираты. Бернارد Мудрый, прибыв в 870 году из Бретани в Палестину, обнаружил, что основанные Карлом заведения все еще работают, но опустели и обветшали. Бернارد смог совершить это путешествие только благодаря тому, что получил разрешение на проезд у мусульманских властей, которые управляли городом Бари в Южной Италии, но даже это разрешение не позволяло ему высадиться в Александрии.

Великая эпоха паломничеств началась в X веке. В течение века арабы потеряли свои пиратские аванпосты в Италии и Южной Франции, а в 961 году у них отняли и Крит. Уже к тому времени византийский флот сумел в достаточной мере овладеть морями, чтобы морская торговля в Средиземноморье полностью восстановилась. Греческие и итальянские торговые суда свободно курсировали между портами Италии и Византии и даже, при расположении мусульманских властей, начинали налаживать торговлю с Сирией и Египтом. Паломнику стало легко добраться напрямую из Венеции или Бари до Триполи или Александрии, хотя большинство путешественников предпочитало заехать по дороге в Константинополь посмотреть на его богатые собрания реликвий, а оттуда продолжить путь по морю или по суше, ибо последние военные успехи византийцев сделали дороги безопасными. В самой Палестине мусульманские власти, будь то аббасидские, ихшидидские или фатимидские, редко чинили препятствия путникам и даже, напротив, приветствовали их, ведь те приносили провинции богатство.

Улучшение условий для паломников оказало влияние на западную религиозную мысль. Точно неизвестно, в каком веке паломничества впервые стали назначаться в качестве цер-

ковного наказания. Все раннесредневековые *poenitentialia* рекомендуют совершать паломничество, но обычно не указывают конкретного места назначения. Однако постепенно росла вера в то, что те или иные святыни обладают особой духовной ценностью, которая воздействует на тех, кто их посещает, и даже могут даровать им отпущение грехов. Так, паломник знал, что может не только поклониться земным останкам и местам пребывания Господа и его святых и таким образом вступить с ними в мистическое соприкосновение, но и заслужить Божье прощение за свои дурные поступки. Начиная с X века считалось, что особенной такой силой обладают четыре рода святилищ: Святого Иакова в испанской Компостеле и Михаила в Монте-Гаргано в Италии, многие священные места в Риме, но в первую очередь в Палестине. Теперь туда стало добаться гораздо проще благодаря либо отступлению, либо доброй воле мусульман. Но путешествие все же оставалось довольно долгим и утомительным и потому удовлетворяло и практическим соображениям, и религиозным чувствам средневекового человека. Весьма разумное решение – на год или дольше удалить преступника оттуда, где он нарушил закон. Трудность и дороговизна пути станут ему наказанием, а достижение цели и сопутствующая эмоциональная атмосфера дадут чувство духовного очищения и силы. И он вернется исправленным¹⁵.

Краткие упоминания в хрониках часто говорят нам о паломничествах, хотя, разумеется, до нас дошли имена только самых высокопоставленных из тех, кто их совершал. Среди великих аристократов Запада, отправившихся на Восток, была Хильда, графиня Швабская, скончавшаяся в пути в 969 году, и Юдифь, герцогиня Баварская, невестка германского императора Оттона I, чье паломничество состоялось в 970 году. Графы Ардеша, Вены, Вердена, Арси, Ангальта и Гориции – все они были паломниками. Еще более истово предавались этому занятию высшие церковные иерархи. Святой Конрад, епископ Констанцкий, совершил три путешествия в Иерусалим, а святой Иоанн, епископ Пармский, – не менее шести. Епископ Оливольский побывал там в 920 году. В числе паломников были аббаты Сен-Сибара, Флавины, Орийака, Сент-Обен-д'Анжера и Монтье-ан-Дера. Все эти высокопоставленные пилигримы путешествовали в обществе мужчин и женщин более скромного положения, чьи имена не интересовали писателей той эпохи.

Все это было возможно в основном благодаря частным предпринимателям. Однако в европейской политике начала зарождаться новая сила, которая, не считая своих прочих задач, взялась за организацию паломнических поездок. В 910 году герцог Гийом I Аквитанский основал Ключийское аббатство. К концу того же века под руководством ряда выдающихся настоятелей оно превратилось в центр обширной церковной сети, прекрасно организованной, сплоченной и тесно связанной с папским престолом. Ключийцы считали себя попечителями совести западного христианства. Их учение одобряло паломничества, и они хотели оказать им практическое содействие. К началу следующего века они почти полностью взяли под свой контроль поездки к великим испанским святыням. В то же время они начали организовывать и популяризировать путешествия в Иерусалим. Именно благодаря их убеждению аббат Ставлот отправился в Святую землю в 990 году, а граф Верденский – в 997 году. Об ключийском влиянии свидетельствует огромный рост числа паломников из Франции и Лотарингии в XI веке, из областей, близко расположенных к Ключи и дочерним монастырям. Хотя среди пилигримов XI века все еще было много германцев, как, например, архиепископы Трирский и Майнцский и епископ Бамбергский, а также множество путников из Англии, французские и лотарингские паломники намного превосходили их численностью. Две великие династии Северной Франции – графы Анжуйские и герцоги Нормандские, несмотря на взаимное соперничество, поддерживали тесные связи с Ключийским аббатством, и обе покровительствовали путешествиям на Восток. Ужасный Фульк Нерра, граф Анжуйский, отправился в Иерусалим в 1002 году и

¹⁵ Первым из подобных кающихся преступников, чье имя нам известно, был франкский аристократ Фромон, который с братьями поехал в Палестину в искупление совершенного преступления в середине IX века.

еще дважды возвращался туда потом. Герцог Ричард III Нормандский посылал туда пожертвования, а герцог Роберт возглавил там крупную кампанию в 1035 году. Все эти паломничества добросовестно записывал клюнийский историк, монах Глабер.

Нормандцы последовали примеру своего герцога. Они особо почитали святого Михаила и в огромном числе отправлялись к Монте-Гаргано. Оттуда самые предприимчивые продолжали путь в Палестину. В середине века они составляли такую большую и такую рьяную долю палестинских паломников, что константинопольское правительство, озлобленное на нормандцев за их набеги на византийскую Италию, начало неодобрительно смотреть на все паломническое движение¹⁶. Сородичи нормандцев из Скандинавии отличались почти таким же энтузиазмом. Северяне еще издавна приезжали в Константинополь, и тамошние богатства и чудеса производили на них большое впечатление. На своей северной родине они вели разговоры о Миклагарде, как они называли великий город, и порой даже отождествляли его с Асгардом, домом богов. Уже в 930 году в армии императора служили скандинавы. В начале XI века их стало так много, что было сформировано отдельное скандинавское подразделение – знаменитая варяжская стража. Варяги вскоре взяли себе за привычку брать отпуск для того, чтобы съездить в Иерусалим. Первым из них, о ком до нас дошли хоть какие-то сведения, был некий Кольскегтр, побывавший в Палестине в 992 году. Харальд Хардероде – Харальд Суровый, самый знаменитый из варягов, побывал там в 1034 году. На протяжении XI века множество норвежцев, исландцев и датчан, которые проводили на императорской службе по пять и более лет, затем отправлялись в паломничество, а потом уже возвращались со всеми своими накоплениями на северную родину. Воодушевленные их рассказами, друзья отправлялись на юг только ради того, чтобы там побывать. Апостол Исландии Торвальд Кодранссон по прозвищу Путешественник приезжал в Иерусалим около 990 года. Некоторые пилигримы с севера утверждали, что видели там Олава Трюггвасона, первого христианского короля Норвегии, после его таинственного исчезновения в 1000 году. Олаф II намеревался последовать его примеру, но его путешествие состоялось только в легенде. Эти северные властелины были людьми необузданными, нередко они были виновны в убийствах и нуждались в покаянии. Полудатчанин Свен Годвинссон отправился вместе с группой англичан в 1051 году отмаливать убийство, но следующей же осенью умер от холода в анатолийских горах, ибо ради искупления грехов шел босым. Легман Гудредссон, норвежский король Мэна, убивший своего брата, отправился просить у Бога прощения таким же способом. Большинство скандинавских паломников предпочитали ехать кругом – по морю через пролив Гибралтар и обратно по суше через Русь.

Паломники западных стран в X веке должны были добираться по Средиземному морю до Константинополя или Сирии. Но плата за проезд была высока, и коек на всех не хватало. В 975 году правители Венгрии приняли христианство, и тогда открылась дорога по суше – сначала по Дунаю и затем через Балканы до Константинополя. До 1019 года, когда Византия окончательно взяла под свой контроль весь Балканский полуостров, это была опасная дорога; но с тех пор путник мог, почти не рискуя, доехать через Венгрию до византийской границы у Белграда, а оттуда через Софию и Адрианополь до столицы. Либо он мог направиться в византийскую Италию и совершить короткое путешествие по морю от Бари до Диррахия, а оттуда по старой римской Эгнатиевой дороге проследовать через Фессалонику до Босфора. Оттуда вело три удобные и широкие дороги, которые вели через Малую Азию в Антиохию. Далее путь шел на побережье к Латакии и возле Тортосы перебирался на территорию, подвластную Фати-

¹⁶ Брейер высказывает предположение, что неприязненные отношения между византийцами и паломниками создались из-за «схизмы» Михаила Керулария. Риан доходит до того, что допускает, будто византийские власти намеренно закрыли путь в Палестину. Это, по-видимому, основывается на его интерпретации путешествия Литберта из Камбре, которое на самом деле объясняется условиями, существовавшими в Сирии в то время. Однако письмо папы Виктора действительно позволяет предположить, что имперские чиновники не всегда проявляли радушие в отношении паломников. Причиной охлаждения была неприязнь к нормандцам, а не какая-то схизма.

мидам. Это была единственная граница, которую приходилось пересекать путешественнику после отбытия из Белграда или Термоли в Италии и оттуда он мог без помех добраться до Иерусалима. Путь по суше, хотя и небыстрый, обходился гораздо дешевле и был проще, чем по морю, а также гораздо лучше подходил для больших групп.

Пока паломники вели себя благонравно, они могли рассчитывать на гостеприимное отношение со стороны византийских крестьян, и вдоль всей первой половины пути клунийцы начали строить странноприимные дома. В Италии было несколько монастырских гостиниц, некоторые принимали исключительно скандинавов. В австрийском Мельке находилась известная и крупная гостиница. В Константинополе странноприимный дом Святого Сампсона отвели для паломников с Запада, а на окраинах Родосто клунийцы держали свое заведение. В самом Иерусалиме богомольцы могли остановиться в больнице Святого Иоанна, основанной купцами из Амальфи. Никто не возражал против того, чтобы великие сеньоры Запада привозили с собой вооруженный эскорт, если только он вел себя дисциплинированно, и большинство паломников старалось присоединиться к подобной компании. Однако довольно часто люди путешествовали поодиночке, парой или втроем и не особенно рисковали при этом. Порой, конечно, возникали трудности. Во время гонений аль-Хакима останавливаться в Палестине надолго было небезопасно, хотя поток паломников никогда полностью не прерывался. В 1055 году считалось чреватым переходить через границу на мусульманскую территорию. Литберту, епископу Камбре, правитель Латакии не дал разрешения на выезд, и он был вынужден отправиться на Кипр¹⁷. В 1056 году мусульмане, быть может при потворстве императора, запретили приезжим с Запада заходить в храм Гроба Господня и выдворили из Иерусалима около трехсот человек. Василий II и его племянница императрица Феодора нанесли паломникам обиду, велев своим таможенным чиновникам взимать пошлину с путников и их лошадей. Папа Виктор II в письме от декабря 1056 года молил императрицу отменить ее распоряжение, и из его письма напрашивается вывод, что ее чиновники находились и в самом Иерусалиме.

Однако такие осложнения случались редко. На протяжении всего XI столетия вплоть до двух его последних десятилетий непрерывная людская река текла на Восток. Порой они путешествовали целыми тысячами человек, мужчин и женщин любых возрастов и классов, проводя год или больше в пути в тот неторопливый век. Они останавливались в Константинополе, чтобы полюбоваться огромной столицей, вдесятеро превышавшей любой известный им город Запада, и поклониться хранящимся там святыням. Там они могли увидеть Терновый Венец, Ризу Господню и все важнейшие Орудия Страстей. Там хранился плат из Эдессы, на котором отпечатался лик Христа, и икона Божьей Матери, собственноручно написанная святым Лукой; волос с головы Иоанна Крестителя и накидка Илии; мощи бесчисленных святых, пророков и мучеников; бездонная сокровищница святынь христианства. Оттуда богомольцы продолжали путь в Палестину, в Назарет и на гору Тавор, к Иордану и Вифлеему и ко всем святыням Иерусалима. Поглядев на святыни и помолившись у них, они отправлялись в долгий путь домой, возвращаясь укрепленными в вере и очищенными, а соотечественники встречали их как паломников во славу Христа, совершивших самое возвышенное из путешествий.

Но успех паломничества зависел от двух условий: во-первых, в Палестине должен царить достаточный порядок, чтобы незащищенный путник мог приехать и преклонить колени, не подвергаясь опасностям; и, во-вторых, дорога должна быть открыта, а расходы – невелики. Для первого требовался мир и доброжелательное правительство мусульманских стран, а для второго – благоденствие и благоволение Византии.

¹⁷ Огромное паломничество из Германии 1064–1065 годов, в котором приняли участие 7 тысяч человек, нашло положение южнее византийской границы крайне неблагоприятным.

Глава 4. Крах близится

*Среди мира идет на него губитель.
Книга Иова, 15: 21*

В середине XI века казалось, что в Восточном Средиземноморье на долгие годы воцарилось спокойствие. Две его великие державы – фатимидский Египет и Византия – находились в добрых отношениях друг с другом. Ни первая, ни вторая не проявляли агрессии, и обе желали удержать в узде восточные мусульманские государства, где тюркские авантюристы баламутили воду, хотя пока и не вселяли серьезных опасений правителям Константинополя и Каира. Фатимиды благосклонно относились к христианам. После смерти аль-Хакима не было никаких притеснений, и они открывали свои гавани для купцов из Италии и Византии. Их добрая воля шла на пользу и торговому люду, и паломникам.

Эту добрую волю гарантировала мощь Византии. Благодаря ряду великих императоров-воителей Византийская империя раскинулась от Ливана до Дуная и от Неаполя до Каспия. Несмотря на проявления коррупции и вспышки мятежей, ее администрация была эффективнее, чем у любого другого современного ей королевства. Константинополь еще никогда раньше не владел такими богатствами. Он превратился в финансовую и коммерческую столицу мира, не имеющую соперников. Торговцы со всех уголков света, из Италии и Германии, Руси, Египта и стран Востока, стекались туда, чтобы покупать предметы роскоши, производимые ее мастерами, и обменивать их на свои более грубые товары. Кипучая жизнь огромного города, куда более многолюдного и обширного, чем даже Каир и Багдад, неизменно приводила путешественников в изумление своей гаванью, где толпились корабли, людными рынками, просторными предместьями и громадными храмами и дворцами. Императорский двор, хотя им тогда распоряжались две весьма эксцентричные пожилые императрицы, казался центром вселенной.

Если искусство – зеркало цивилизации, то византийская цивилизация достигла невероятных высот. Ее художникам XI века была свойственна сдержанность и гармоничность их античных предков, однако они привнесли два новых качества, взятые из восточной традиции, – насыщенный декоративный формализм иранцев и мистическую напряженность Древнего Востока. Дошедшие до нас произведения того века, будь то резные статуэтки из слоновой кости, или крупные мозаичные панно, или провинциальные церкви, например мозаики в обителях Дафни и Осиос Лукас в Греции, демонстрируют нам все тот же триумфальный синтез традиций, слитых в единое и безупречное целое. Литература того времени, хоть и стесненная еще слишком сильной памятью о классических шедеврах, может похвастаться разнообразием великолепнейших образцов. У нас сохранилась хроника Иоанна Диякона с ее отточенным стилем, тонкая лирика Христофора Митиленского, масштабная эпическая поэма «Дигенис Акрит», написанные шершавым языком, пронизательные изречения солдата Кекавмена и остроумные, циничные придворные мемуары Михаила Пселла. В атмосфере царило бы благодушие почти XVIII века, если бы не неотмирность и пессимизм, от которого Византии никогда не удавалось освободиться.

У греков мудреный и непростой характер, которого никак не разглядеть по тем картинам, которые любят изображать популярные исследователи V века до нашей эры. У византийцев этот характер осложнился из-за доли восточной крови. Результат оказался полон парадоксов. Это был человек чрезвычайно практичный, с деловой хваткой и вкусом к мирским почестям, однако всегда готовый отказаться от мира ради того, чтобы провести остаток жизни в монашеских размышлениях. Он горячо верил в божественное предназначение империи и богоданную власть императора, однако был индивидуалист, скорый на бунт против правительства, если оно его не устраивало. Он испытывал ужас перед ересью, однако его религия, самая мистическая

среди всех укоренившихся форм христианства, допускала большую философскую широту и священнику, и мирянину. Он презирал всех своих соседей, считая их варварами, однако легко перенимал их обычаи и идеи. Несмотря на свою изощренность и гордость, он был человеком неуравновешенным. Византия так часто оказывалась на грани гибели из-за разных несчастий, что они подорвали его уверенность в окружающем мире. Если вдруг приходила беда, он паниковал и совершал зверства, которые в спокойное время сам же презирал. Пусть даже настоящее было для него мирным и светлым, бесчисленные пророчества предупреждали его о том, что когда-нибудь его город погибнет, и он верил в то, что так и будет. В этом печальном бренном мире нельзя обрести счастья и покоя, которые возможны только в Царствии Небесном.

И эти страхи имели основания. Могущество Византии опиралось не на такой уж прочный фундамент. Великая империя возникла для обороны. Провинциями управляли военные чиновники, а над ними стояла гражданская администрация в Константинополе. Эта система обеспечивала эффективное местное ополчение, способное защитить свой район в случае вторжения и поставлять солдат в основную императорскую армию для крупных кампаний. Но при такой системе, когда опасность вторжения миновала, слишком большая власть оставалась в руках правителей провинций, особенно если личное богатство позволяло им игнорировать распоряжения столичного начальства, у которого они состояли на жалованье. Более того, процветание разрушало аграрное устройство Малой Азии. Опорой Византии были ее общины свободных крестьян, получавших земли непосредственно от государства, обычно за исполнение воинской повинности. Но здесь, как и везде в Средние века, земля была единственным надежным вложением для накопления богатств. Любой состоятельный человек стремился приобрести землю. Церковь убеждала паству завещать землю ей. Землевладениями обычно награждали победоносных полководцев и заслуженных министров государства. Пока империя отвоевывала земли у врага или заселяла области, опустошенные набегами и разграблением, все шло хорошо; но сам ее успех создавал земельный дефицит. Магнаты и монастыри могли расширять свои владения только одним способом: выкупать землю у крестьян, нуждавшихся в деньгах, или забирать целые деревни, получая их либо в дар от государства, либо принимая на себя обязанность выплачивать налоги за местную общину. Более мудрые императоры стремились им помешать, отчасти в силу того, что новые землевладельцы редко могли устоять против искушения превратить новые земли в пастбища, а еще больше из-за того, что передача участков, принадлежавших раньше крестьянам-солдатам, в руки землевладельца давала ему возможность набрать личную армию и ослабляла армию государства. Но законодательно они ничего не могли поделать. За X век в Византии возникла наследственная земельная аристократия, достаточно богатая и влиятельная, чтобы позволить себе не повиноваться центральному правительству. Император Василий II, величайший представитель македонской династии, с большим трудом подавил мятеж этой аристократии в начале своего правления. Он одержал оглушительную победу, и его слава не померкла вплоть до того момента, когда его династия прервалась в 1056 году со смертью племянницы Василия Феодоры. Если бы македонская династия произвела на свет наследников мужского пола, это укрепило бы наследственный принцип передачи императорского престола, и Византия получила бы силу, способную укротить наследственную знать. Но хотя верность династии позволила императрице Зое и ее мужьям процарствовать в беззаботной расточительности почти тридцать лет, а престарелой императрице Феодоре – править в одиночку, все это время подрывные тенденции набирали силу. Когда Феодора умерла, две византийские партии оказались в яростной оппозиции друг к другу: придворная клика, распоряжавшаяся центральной администрацией, и знатные семьи, которым принадлежал контроль над армией; в то время как церковь, стараясь усидеть на обоих стульях, пыталась сохранить равновесие.

Едва только семидесятидвухлетняя императрица, до конца верившая в пророчество, которое обещало ей многолетнее царствование, погрузилась в предсмертное забытие, придвор-

ные выдвинули на трон немолодого чиновника Михаила Стратиока. Армия отказалась признать нового императора. Войска отправились на Константинополь, твердо решив посадить на трон своего командующего. Михаил уступил без борьбы, и императором стал военачальник Исаак Комнин. Военная аристократия выиграла первый раунд.

Исаак Комнин, подобно большинству таких же византийских дворян, был аристократом только во втором поколении. Он родился в семье фракийского воина, вероятно влаха, который полюбился императору Василию II и получил от него земли в Пафлагонии, где он построил огромный замок, известный как Кастра Комненон – Замок Комнина – и по сей день зовущийся Кастамону. Исаак и его брат Иоанн унаследовали земли отца и его воинскую доблесть, и оба благодаря женитьбе вошли в круг византийской знати. Жена Исаака была царевной из рода, прежде правившего Болгарией, супруга Иоанна – наследницей знатного семейства Далассенов. Но, несмотря на богатство, высокое положение и поддержку армии, правление Исаака постоянно осложнялось противодействием гражданских чиновников. Через два года он сложил руки и ушел в монастырь. Он не оставил сыновей и потому назначил преемником Константина Дуку. Невестка Исаака Анна Далассена так и не простила его.

Константин Дука был главой, пожалуй, древнейшего и богатейшего семейства византийской аристократии; однако свою карьеру он сделал при дворе. Исаак надеялся, что в силу этих причин обе партии посчитают его кандидатуру приемлемой. Но вскоре тот показал, что его интересы не совпадают с интересами касты. Казна его была пуста, а влияние армии – угрожающим. Поэтому он решил сократить вооруженные силы. В качестве меры внутренней политики это вполне объяснимо. Однако во всей византийской истории не найдется такого времени, когда ослабление обороны государства можно было бы считать безопасным, а в тот момент оно было просто фатальным. Грозные тучи сгущались на Востоке, а на Западе буря уже разразилась.

В течение нескольких последних десятилетий Южная Италия пребывала в состоянии смуты и неразберихи. Граница Византийской империи формально пролегла от Террачины на побережье Тирренского моря до Термоли на берегу Адриатического. Но в пределах этой линии только провинции Апулия и Калабрия находились непосредственно под властью Византии. Тамашнее население в основном состояло из греков. На западном побережье было три торговых города-государства: Гаэта, Неаполь и Амальфи. Все три номинально считались вассалами императора. Для амальфийцев, которые к тому времени уже наладили обширную торговлю с мусульманским Востоком, благосклонность императора была полезна в их переговорах с фатимидскими властями, и потому они держали в Константинополе постоянного консула. Неаполитанцы и гаэтанцы, хотя и не менее охотно заключали торговые сделки с иноверцами, к императору относились не так церемонно. Во внутренней части страны распоряжались ломбардские правители Беневенто и Салерно, признавая сюзеренитет то восточного, то западного императора и одинаково пренебрегая ими обоими. Сицилией по-прежнему владели мусульмане, несмотря на неоднократные попытки византийцев отвоевать остров; и набеги оттуда и из Африки на итальянские побережья усугубляли хаос в стране.

В эти области в огромном числе стекались норманнские искатели приключений из Северной Франции, паломники по пути в Иерусалим или Монте-Гаргано, к излюбленному святыщу Святого Михаила, многие из них были наемниками, которые оставались служить у ломбардских аристократов. В Нормандии не хватало земли, ибо ее густонаселенные территории не давали размахнуться честолюбивым и беспокойным младшим сыновьям и безземельным рыцарям. Этот импульс к расширению, который вскоре заставит их отправиться завоевывать Англию, заставил их обратить взгляд на Восток со всеми его сокровищами, и в Южной Италии они увидели ключ к средиземноморской империи. А царивший в ней беспорядок предоставил им благоприятную возможность.

В 1040 году шестеро братьев, сыновья мелкого норманнского рыцаря Танкреда де Отвиля, захватили город Мельфи в апулийских горах и основали там графство. Местные византийские власти отнеслись к ним несерьезно, но западный император Генрих III, стремившийся к контролю над провинцией, за которую так долго соперничали обе империи, и германский папа, которого он посадил на престол, категорически не желавший, чтобы патриарх Константинопольский распоряжался в итальянских епархиях, оказали поддержку нормандцам. За двенадцать лет сыновья Танкреда установили господство над ломбардскими государствами. Они загнали византийцев на оконечность Калабрии и апулийское побережье. Он угрожали городам на западном побережье и совершали набеги через Кампанию на север до окрестностей Рима. Византийское правительство встревожилось. Правителя Апулии Мариана Аргира вызвали в метрополию для доклада и отослали назад, дав ему дополнительные полномочия для того, чтобы исправить ситуацию. В военном отношении Мариан ничего не добился – нормандцы легко отразили его небольшое войско. С точки зрения дипломатии он оказался более успешен, ибо создавшееся положение весьма беспокоило и папу Льва IX, происходившего из Лотарингии. Нормандцы добились больших успехов, чем думалось ему или Генриху III. Генрих тогда занимался венгерской кампанией, но прислал папе помощь. Летом 1053 года Лев IX отправился на юг с армией германцев и итальянцев, объявив свой поход священной войной. К нему должен был присоединиться византийский контингент; но пока он ждал подкреплений у апулийского городка Чивитате, его атаковали нормандцы. Его армию разгромили, а самого его взяли в плен. И ради освобождения он отрекся от всей своей политики.

Это была последняя серьезная попытка укротить сыновей Танкреда. Генрих III умер в 1056 году. Его преемником стал малолетний Генрих IV, и регентша Агнесса де Пуату была слишком занята в Германии, чтобы заботиться о южных делах. Папы решили быть реалистами. В 1059 году на соборе в Мельфи папа Николай II признал Роберта Гвискара, Роберта Хитреца, старшего из уцелевших сыновей Танкреда, «герцогом Апулии милостью Господа и святого Петра, и Сицилии, с их соизволения». Это признание, которое, как полагал Рим, но не сам Роберт, подразумевало его вассальную зависимость от наместника святого Петра, позволило нормандцам легко завершить свои завоевания. Морские республики вскоре покорились им, а к 1060 году от Византии в Италии осталась только ее столица – крепость Бари на побережье. Между тем младший брат Роберта Рожер начал медленно, но успешно отвоевывать Сицилию у арабов.

Пока Бари стоял, византийцы в какой-то степени сдерживали нормандскую экспансию на восток. Но политические беспорядки в Италии неизбежно породили религиозную смуту. Прибытие латинских завоевателей в Южную Италию поставило вопрос о греческой церкви в этой провинции и возродило старинный спор между Константинополем и Римом относительно того, кто обладает над нею духовной властью. Реформы в Риме привели к тому, что папы категорически решили не допускать никаких компромиссов по вопросу своих притязаний; между тем на патриарший престол в Константинополе сел один из самых агрессивных и амбициозных иерархов греческой церкви Михаил Керуларий. Историю неудачного приезда легатов папы Льва IX в Константинополь в 1054 году следует рассказывать в контексте всей последовательности отношений между восточной и западной церквями. Он окончился взаимным отлучением, несмотря на попытки императора добиться компромисса; так стало невозможным какое-либо искреннее сотрудничество между Римом и Константинополем там, где речь шла о насущных нуждах Италии. Но это не привело к окончательному расколу, как полагали историки более поздних времен. Политические отношения между имперскими дворами стали напряженными, но не прервались. Керуларий вскоре лишился своего влияния. Одержанной императрицей Феодорой, у которой он пытался отобрать ее наследие, и низложенный императором Исааком, он умер бессильным изгнанником. Но в конце концов он все же победил. Последующие поколения византийцев видели в нем поборника их независимости; и бук-

важно в то время, когда император и папа снова стали слать друг другу письма с заверениями в сердечной любви, императрица Евдокия Макремволитисса, его племянница и супруга Константина Дуки, добилась канонизации Михаила.

Судя по тому, что писали византийские историки той эпохи, правители империи практически не заметили этой ссоры. Беда на Западе затмила в их глазах проблемы, возникавшие на Востоке.

Упадок Аббасидского халифата оказался не совсем выгоден Византии. Из-за растущего обеднения Ирака начали изменяться мировые торговые пути. Купцы с далекого Востока уже не привозили свои товары на багдадские рынки, откуда многое попадало в империю, чтобы на кораблях доставляться из портов Малой Азии или самого Константинополя на Запад. Теперь они предпочитали добираться по морскому пути через Красное море в Египет, а из Египта их товары переправлялись в Европу на итальянских торговых судах. Византия уже не лежала у них на пути. Более того, беззаконие, царившее в дальних провинциях Аббасидской империи, привело к закрытию старого караванного пути из Китая, который пролегал через Туркестан и Северную Персию в Армению и к морю у Трапезунда. Альтернативный маршрут, который шел севернее Каспийского моря, никогда не был безопасен в течение долгого времени. Для всего средиземноморского мира в политическом и коммерческом смысле держава Аббасидов была благодетелем, так как обороняла его извне от варваров Центральной Азии.

Теперь же оборона пала. Орды Центральной Азии снова смогли хлынуть на земли древней цивилизации. Тюрки издавна играли важную роль в истории. Тюркская империя VI века за свою краткую жизнь успела стать цивилизующей и стабилизирующей силой в Азии. Тюркские народы на ее дальних рубежах, такие как принявшие иудаизм волжские хазары или несториане уйгуры, позднее обосновались на границе Китая и показали себя умеющими легко приспосабливаться и способными к культурному развитию. Но в самом Туркестане не было никакого прогресса с VII века. Несколько городов выросло вдоль караванных путей, но население туркменов оставалось в большинстве своем скотоводческим и полукочевым, и его растущая численность внушала ему постоянное желание переселяться за пределы освоенных ими земель. В X веке Туркестаном управляла персидская династия Саманидов, чья главная роль в истории состояла том, что она обратила центральноазиатских тюрков в ислам. Отныне взгляды тюрков были направлены в Юго-Западную Азию и Восточное Средиземноморье.

Саманидов сместил первый великий тюрк-мусульманин – Махмуд Газневи, который в первые десятилетия XI века построил огромную империю, протянувшуюся от Исфахана до Бухары и Лахора. Между тем тюркские наемники проникали во все государства мусульманского мира, практически так же, как норманны проникали в государства христианской Европы. У багдадских халифов и многих других правителей-мусульман были тюркские полки. Среди подданных Газневидов был клан тюрков-огузов из аральских степей, называвшихся по имени своего полумифического предка сельджуками. Сельджукские вожди образовали альянс захватчиков, завистливых друг к другу, но сплотившихся ради возвышения рода, почти как это произошло с сыновьями Танкреда де Отвиля. Но им повезло больше, чем нормандцам, чьи соотечественники были немногочисленны, и сельджуки могли призвать на помощь огромные и беспокойные орды туркменов. После смерти Махмуда в 1030 году они восстали против Газневидов и к 1040 году выгнали их, заставив искать пристанища в индийских владениях. В 1050 году Тогрул-бек, глава династии, вошел в Исфахан и сделал его столицей государства, включившего в себя Персию и Хорасан, а его братья и родственники воцарились на северных границах, образовав непрочную конфедерацию, признававшую его владычество и совершавшую свободные набеги в соседние страны. В 1055 году по приглашению аббасидского халифа, который пришел в ужас от интриг своего тюркского министра аль-Басасири с Фатимидами, Тогрул-бек вошел в Багдад как защитник суннитского ислама и был назван царем Востока

и Запада, обладающим верховной светской властью над всеми землями, которые признавали своим духовным вождем халифа.

Тюрки совершали набеги в Армению еще в царствование Василия II, когда сельджуки находились под властью Газневидов; и именно ради защиты своей империи от тюрок Василий стал проводить свою политику постепенного присоединения Армении. После завоевания Персии сельджуками набеги участились. Тогрул-бек сам принял участие в них лишь однажды, в 1054 году, когда опустошил страну вокруг озера Ван, но не сумел взять крепость Манцикерт. Набегами обычно руководили его родственники – Асан и Ибрагим Инал. В 1047 году их разгромили византийцы под Эрзерумом, и в последующие годы они бросили все силы на борьбу с грузинскими союзниками империи. В 1052 году они razорили Карс; в 1056-м и 1057-м они снова вернулись в Армению. В 1057 году разграбили Мелитену. В 1059-м тюркские войска впервые дошли до самого сердца имперских владений – города Севастии.

Тогрул-бек умер в 1063 году. Сам он не особенно интересовался своей северо-западной границей. Но его племянник и наследник Алп-Арслан, встревоженный возможностью союза между византийцами и Фатимидами, постарался обезопасить себя от первых посредством завоевания Армении, прежде чем приступить к своей основной цели – победе над вторыми. Набеги в империю участились. В 1064 году была уничтожена старая армянская столица Ани; и царь Карса, последний независимый армянский правитель, охотно передал свои земли императору в обмен на владения в Таврских горах. Огромное число армян отправилось вместе с ним в его новый дом. Начиная с 1065 года великая пограничная крепость Эдесса подвергалась ежегодным нападениям, но тюрки пока еще не имели опыта осадной войны. В 1066 году они оккупировали перевалы в горах Аманос, а следующей весной разграбили каппадокийскую столицу Кесарию. Наступившей зимой византийские армии потерпели поражение при Мелитене и Севастии. Эти победы дали тюркам полное господство над Арменией. В последующие годы они совершали набеги вглубь империи, на Неокесарию и Аморий в 1068 году, на Иконий – в 1069-м, а в 1070-м – на Хоны, возле побережья Эгейского моря.

Правительство империи было вынуждено принимать меры. Константин X, чья политика сокращения вооруженных сил в основном и привела к такому плачевному положению, скончался в 1067 году, оставив юного сына Михаила VII при регентстве императрицы-матери Евдокии. В следующем году Евдокия вышла замуж за главнокомандующего армией Романа Диогена и посадила его на трон. Роман был выдающимся военачальником и искренним патриотом; но задача, стоявшая перед ним, требовала способностей гения. Роман понимал, что ради безопасности империи надо отвоевать Армению. Но византийская армия была уже не той великолепной ратью, какой была полвека назад. Провинциальные войска были слишком слабы, чтобы защитить собственные территории от захватчиков, и не могли отрядить бойцов для военных походов императора. Знатные семьи, которые могли набирать рекрутов у себя во владениях, относились к нему подозрительно и держались в стороне. Конные полки числом в шестьдесят тысяч человек, патрулировавшие сирийскую границу до середины века, были распущены. Императорская гвардия, отборные, прошедшие превосходную выучку анатолийцы, была давно уже не так сильна, как прежде. Основной костяк армии теперь состоял из чужеземных наемников, скандинавов варяжской стражи, нормандцев и франков из Западной Европы, славян с севера и тюрок из южнорусских степей, печенегов, половцев и огузов. Из этих разнородных элементов Роман собрал войско почти в сотню тысяч человек, из которых, пожалуй, половина родилась в Византии, но лишь очень немногие были профессиональными солдатами и ни один не имел хорошей экипировки. Из наемников самый крупный контингент составляли половцы под предводительством урожденного тюрка Иосифа Тарханиота. Элитный корпус составляла франкская и норманнская тяжелая конница во главе с нормандцем Русселем де Байолем. Бывшие франкские командиры корпуса Эрв и Криспин были один за другим смещены за открытую измену, но солдаты желали служить только под началом соотечествен-

ника. Главным византийским командующим при императоре был Андроник Дука, племянник покойного императора и, подобно всему своему семейству, заклятый враг Романа, который не смел оставить его за своей спиной в Константинополе. С этим довольно крупным, но ненадежным воинством Роман выступил в поход весной 1071 года, чтобы отвоевать Армению. Когда он покидал столицу, из Италии пришли вести о том, что Бари, последний византийский оплот на полуострове, пал в руки нормандцев.

Летописцы во всех прискорбных подробностях рассказывают о походе императора на восток по великой военной дороге. Он собирался захватить армянские крепости и поставить в них свои гарнизоны, прежде чем армия тюрок успеет подойти с юга. Алп-Арслан находился в Сирии, возле Халеба, когда до него дошли новости о продвижении византийцев. Он осознал всю серьезность создавшейся ситуации и поспешил на север навстречу императору. Роман вошел в Армению вдоль южного рукава верхнего Евфрата. У Манцикерта он разделил свои силы. Сам он пошел на Манцикерт, а своих франков и половцев отправил на захват крепости Ахлат на берегу озера Ван. В Манцикерте он узнал о приближении Алп-Арслана и развернулся на юго-запад, чтобы воссоединиться с остальными силами, прежде чем подойдут турки. Но, позабыв о первом принципе византийской тактики, он не выслал вперед дозорных. В пятницу 19 августа, когда Роман засел в долине на дороге в Ахлат в ожидании своих наемников, Алп-Арслан нанес по нему удар. Наемники так и не пришли к нему на выручку. Половцы, вспомнив, что они тоже турки и что к тому же им задолжали оплату, всем скопом перешли на сторону врага еще предыдущей ночью, а Руссель и его франки решили не принимать участия в битве. Исход ее недолго оставался неопределенным. Роман сражался отважно, но Андроник Дука, видя, что его дело проиграно, и догадываясь, что следующий акт драмы разыграется в Константинополе, вывел из боя находившиеся под его началом резервные войска и повел их на запад, предоставив императора его судьбе. К вечеру византийская армия была уничтожена, а раненый Роман взят в плен¹⁸.

¹⁸ Дельбрюк высмеивает данные восточных летописцев об огромной численности армии Романа IV – более 100 тысяч человек, но все же нет никаких сомнений в том, что его армия была необычайно велика; только, указывает Лоран, по причине того, что Константин X сэкономил на армии, ее оснащение не отвечало поставленным целям, да и доля профессиональных солдат была чрезвычайно мала.

Глава 5. Смута на Востоке

*Хотя они и посылали дары к народам, но скоро Я соберу их, и они
начнут страдать от бремени царя князей.
Книга пророка Осии, 8: 10*

Битва при Манцикерте стала самой сокрушительной катастрофой в истории Византии. Сами византийцы не испытывали по ее поводу никаких иллюзий. Снова и снова их историки возвращались к этому страшному дню. Крестоносцам последующих эпох казалось, что на этом поле боя византийцы потеряли право называться защитниками христианства. Манцикерт оправдал вмешательство Запада¹⁹.

Тюрки не воспользовались прямыми плодами своего успеха. Алп-Арслан достиг своей цели. Теперь он был защищен с фланга, а кроме того, устранил угрозу византийско-фатимидского союза. От плененного императора он потребовал только уйти из Армении и выплатить огромный выкуп за освобождение. Затем Алп-Арслан ушел вести кампанию в Трансоксиане, где и умер в 1072 году. Также и его сын и преемник Маликшах, чья империя протянется от Средиземноморья до китайских границ, сам никогда не возглавлял походов в Малую Азию. Но подданных ему туркменам уже было не остановить. Он не желал, чтобы они поселились на древних землях халифата, однако центральные равнины Анатолии, опустевшие и превращенные в пастбища самими византийскими магнатами, прекрасно для них годились. И он поставил перед своим двоюродным братом Сулейманом ибн Кутулмышем задачу завоевать страну для тюркского народа.

Выполнение этой задачи ему облегчили сами византийцы. Следующие двадцать лет своей истории они провели в неразрешимом клубке интриг и восстаний. Когда новости о катастрофе и пленении императора достигли Константинополя, его пасынок Михаил Дука объявил себя совершеннолетним и взял власть в свои руки. Когда в столицу прибыл его родственник Андроник с остатками армии, это укрепило его положение. Михаил VII был неглупым образованным юношей, который, будь времена подороже, мог бы стать достойным правителем. Однако стоявшие перед ним проблемы требовали для решения куда более великого человека. Роман Диоген вернулся из плена и оказался отстраненным от престола. Он попытался силой вернуть себе прежние позиции, но был легко побежден и доставлен пленником в Константинополь. Там ему выкололи глаза таким варварским образом, что несколько дней спустя он скончался. Михаил не мог позволить ему остаться в живых, однако влиятельные родственники Романа и друзья, которых он приобрел благодаря своей отваге, пришли в ужас и гнев от столь ужасного конца. Их негодование вскоре нашло выход в измене.

Всерьез нашествия тюрок в Малую Азию начались в 1073 году. Они не были ни сплоченными, ни однородными. Сам Сулейман хотел только основать себе приличный султанат, которым он правил бы при верховной власти Малик-шаха. Но среди тюрок были вожди рангом пониже, вроде Данишменда, Чаки или Менгучека, чьей целью было захватить город или крепость, откуда они господствовали бы над местным населением как главари разбойных кланов. За ними, придавая вторжению полную силу, шли легковооруженные туркменские кочевники со своими табунами, шатрами и семьями, направляясь в степи нагорья. Христиане бежали от них, бросая деревни и стада, деревни захватчики сжигали, а стада забирали. Туркмены обходили города стороной, но их присутствие и причиняемые ими разрушения прерывали сообщение по всей стране, так что губернаторы провинций оказывались в изоляции, позволяя тюр-

¹⁹ Гийом Тирский считал, что эта катастрофа оправдывает движение крестоносцев, поскольку Византия уже не могла защитить восточное христианство. Дельбрюк полагает, что важность битвы преувеличена; однако из имеющихся данных ясно следует, что вследствие ее империя еще много лет была не в состоянии вывести на поле боеспособную армию.

кам творить, что им вздумается. Они образовали тот элемент, который в дальнейшем лишит Византию всякой возможности отвоевать захваченное.

Император Михаил пытался противостоять наступлению тюрок. Благоразумное предательство Русселя де Байоля позволило франко-нормандскому полку пережить катастрофу при Манцикерте. Хотя Руссель показал себя человеком ненадежным, Михаилу пришлось воспользоваться его услугами. К силам Русселя он присовокупил небольшую местную армию под началом молодого Исаака Комнина, племянника прежнего императора. Выбрав его, Михаил поступил мудро. Исаак и его брат Алексей, сопровождавший его, принадлежали к семейству, которое питало самую жгучую ненависть к клану Дука; но, несмотря на уговоры матери, они оставались верны Михаилу на протяжении всего его правления, и оба доказали свой полководческий талант. Однако верность Исаака свело на нет вероломство Русселя. Прежде чем византийская армия встретилась с тюрками, Руссель и его войска забыли про свою присягу. Исаак, атакованный одновременно тюрками и франками, безнадежно уступая противникам в численности, был уведен сельджуками в плен.

Тогда намерения Русселя стали ясны. Распаленный примером соотечественников в Южной Италии, он собирался сам основать нормандское государство в Анатолии. С ним было всего три тысячи человек; но все это были преданные люди, хорошо экипированные и обученные. Один на один они могли одолеть любого византийского или тюркского воина. Теперь Руссель казался императору опаснее самих тюрок. Собрав все войска, которые смог наскрестить, он поставил их под начало своего дяди, кесаря Иоанна Дуки. Руссель встретил их у Амория и легко одолел, а кесаря захватил в плен. Ради того, чтобы иметь благовидный предлог, он провозгласил своего пленника императором против его же воли и выступил на Константинополь. Он без помех достиг азиатского берега Босфора, сжег пригород Хрисополь и раскинул лагерь среди его развалин. В отчаянии Михаил обратился к единственной силе, которая могла ему помочь. Он отправил посольство к султану сельджуков Сулейману. Сулейман с одобрения своего сюзерена Малик-шаха пообещал императору помощь в обмен на уступку восточных анатолийских провинций, которые он уже оккупировал. Руссель повернул назад навстречу тюркам, но те окружили его войска на горе Софон в Каппадокии. Он сам с небольшим отрядом сумел спастись и окопался северо-восточнее, в Амасии. Тогда Михаил послал разобраться с ним Алексея Комнина. Алексей смог предложить более выгодные условия тюркским вождям в соседних областях за их поддержку и принудил его к сдаче. Но Руссель правил Амасией так хорошо и пользовался такой популярностью, что тамошние жители прекратили попытки его спасти лишь после того, как узнали о том, что его ослепили. Однако на самом деле Алексей не мог заставить себя изувечить Русселя; так велико было обаяние этого человека, что даже император с радостью услышал о том, что изменника избавили от столь позорной кары.

После этого Руссель исчезает из истории. Однако все произошедшее оставило свой отпечаток на византийцах. Оно научило их, что нормандцам нельзя доверять, что их честолюбие не ограничивается берегами Южной Италии и что они мечтают основать государства на Востоке. Это может объяснить византийскую политику двадцать лет спустя. Между тем нормандцы уже не приветствовались на службе у императора, и под подозрением оказались даже их скандинавские кузены. Варяжскую стражу отныне стали набирать из народа, который сам пострадал от северян, – англосаксов Британии.

Страх перед нормандцами и постоянная потребность в иностранных наемниках заставляла Михаила проводить политику умиротворения Запада. Утрата Южной Италии была невосполнима, но он не мог позволить себе продолжать там войну. Многие византийцы считали, что посол, которого он отправил заключить мир с нормандцами, Иоанн Итал, философ, родившийся в Италии, предал интересы империи. Но Михаил был доволен и, зная о желании столь стремительно выдвинувшегося дома Отвилей заключить выгодные брачные союзы, предложил выдать дочь Гвискара Елену за его собственного сына, тогда еще младенца Константина. В то

же время он стремился наладить добрые отношения с великим папой Григорием VII, и это ему удалось. Его политика обеспечила мир на западных границах.

Но в Анатолии дела шли все хуже. Имперское правительство потеряло власть над нею, и, хотя немногие местные военачальники, как, например, Исаак Комнин, теперь командовавший Антиохией, поддерживали авторитет императора, сообщение прервалось, и единой политики не существовало. Наконец в 1078 году Никифор Вотаниат, правитель великой Анатолийской фемы в Западно-Центральной Малой Азии, отчасти из-за личных амбиций, а отчасти из-за того, что его в самом деле вывела из терпения слабость правления Михаила, взбунтовался. Но Никифор был генералом без армии. Чтобы раздобыть необходимое войско, он собрал под своими знаменами множество тюрок и использовал их для того, чтобы укомплектовать гарнизоны города, взятые им на пути к столице: Кизик, Никею, Никомедию, Халкидон и Хрисополь. Впервые тюркские воины оказались в крупных городах Западной Анатолии. Пусть они всего лишь наемники нового императора, но ему будет нелегко заставить их уйти. Михаил не оказал сопротивления. Когда Никифор вошел в столицу, он удалился в монастырь. Там он нашел свое истинное призвание. Ему повезло больше, чем большинству низложенных императоров, и несколько лет спустя он – полностью благодаря своим заслугам – возвысился до сана архиепископа. Оставленная им супруга Мария Аланская, родом с Кавказа, прекраснейшая царица своего времени, мудро предложила свою руку узурпатору.

Никифор обнаружил, что мятежником быть проще, чем императором. Другие военачальники последовали его примеру. На западе Балкан Никифор Вриенний, правитель Диррахия, объявил себя императором и привлек солдат европейских провинций под свои знамена. Против него послали Алексея Комнина с небольшим войском из неподготовленных греческих солдат и немногих франков, которые, как обычно, дезертировали. Только благодаря своевременному прибытию контингента тюркских наемников он смог одолеть Вриенния. Сразу после завершения этой кампании Алексею пришлось отправиться в Фессалию, чтобы подавить еще одного узурпатора – Никифора Васиакиса. Тем временем взбунтовался тюркский гарнизон в Никее. Папа Григорий, услышав о падении его союзника Михаила, отлучил нового императора; а Роберт Гвискар, подстрекаемый папой, да и сам в ярости из-за разрыва помолвки его дочери, собрался плыть через Адриатическое море. В мае он во главе всех своих сил высадился в Авлоне и выступил на Диррахий. В начале той же весны поднял мятеж крупнейший полководец в Азии Никифор Мелиссин и заключил союз с тюркским султаном Сулейманом, благодаря чему Сулейман смог беспрепятственно войти в Вифинию, где его приветствовали оставленные Вотаниатом тюркские гарнизоны. Когда Мелиссину не удалось захватить Константинополь, Сулейман отказался вернуть занятые им города. Вместо этого он обосновался в Никее, и Никея, один из самых почитаемых городов христианства, находящаяся в пределах сотни миль от самого Константинополя, стала столицей тюркского султаната.

В Константинополе император Никифор погубил единственный свой шанс на выживание, поссорившись с семейством Комнинов. Исаак и Алексей верно служили ему и надеялись сохранить его благосклонность тесной дружбой с императрицей, на чьей двоюродной сестре был женат Исаак и чьим любовником считали Алексея. Однако она не могла совладать с придворными интригами, которые настроили Никифора против них. Ради собственной безопасности братья были вынуждены поднять мятеж; и Алексей, признанный семьей самым способным из двоих, объявил себя императором. Никифор пал так же легко, как и низложенный им император. По совету патриарха он, усталый и униженный, оставил престол, чтобы окончить свои дни в монастыре.

Алексею Комнину было суждено царствовать тридцать семь лет и стать величайшим государственным мужем своего времени. Но в 1081 году казалось гарантированным, что ни он, ни его империя не уцелеет. Алексей был молод, вероятно, не достиг еще и тридцати, но имел за плечами многолетний опыт полководца, причем, как правило, вынужденного действовать с

недостаточными силами, и своими успехами он был обязан исключительно собственному уму и дипломатии. У него была привлекательная внешность; он был невысокого роста, но хорошо сложен и изучал достоинство. Его отличали изящная и непринужденная манера себя держать, а кроме того, он обладал превосходной выдержкой, однако сочетал в себе истинную доброту с циничной готовностью использовать хитрость и запугивание, если того требовали интересы страны. У него не было особых богатств, помимо личных качеств и любви солдат. Его семья, связи которой оплели всю византийскую аристократию, несомненно, помогла ему прийти к власти, и он укрепил свое положение женитьбой на представительнице семейства Дука. Но интриги и зависть родственников, особенно ненависть, которую его властная мать питала к его жене и всему ее клану, только усугубили его проблемы. Двор кишел членами семей прежних императоров или семей будущих узурпаторов, которых Алексей хотел привязать к себе брачными союзами. Там была императрица Мария, отчаянно ревновавшая к новой императрице Ирине, и сын Марии Константин Дука, которого он сделал своим младшим соправителем и вскоре обручил со своей старшей дочерью Анной; там были сыновья Романа Диогена, одного из которых он женил на своей сестре Феодоре; там был сын Никифора Вриенния, который стал мужем Анны Комнины после преждевременной смерти Константина Дуки; там был Никифор Мелиссин, уже женатый на его сестре Евдокии и отказавшийся от притязаний на имперский престол в пользу шурина в обмен на титул кесаря. За всеми ними Алексей был вынужден внимательно присматривать, разрешая их ссоры и предотвращая измены. Чтобы удовлетворить их претензии, была разработана замысловатая система титулов. Знать и высшие сановники государства были в такой же степени ненадежны. Алексей постоянно раскрывал заговоры против его правления и находился под постоянной угрозой убийства. В силу своей политики и характера он предпочитал мягкие наказания; и это милосердие и невозмутимая дальновидность во всех его действиях тем более замечательны, что всю свою жизнь он был не уверен в завтрашнем дне²⁰.

Состояние империи в 1081 году было таково, что только человек невероятно отважный или столь же невероятно глупый взялся бы ею управлять. В казне не осталось денег. Последние императоры не считали расходов; потеря Анатолии и мятежи в Европе прискорбно сократили доходы; прежняя система сбора налогов разрушилась. Алексей не был финансистом, и его методы привели бы в ужас современного экономиста. Однако каким-то образом, обложив подданных налогами по самые уши, принудительно беря займы и конфискуя собственность у магнатов и церкви, наказывая штрафами, а не тюремным заключением, продавая привилегии и развивая дворцовые производства, он сумел найти средства, чтобы оплачивать огромную административную организацию, восстановить армию и флот и в то же время поддерживать роскошный двор и делать щедрые дары верным подданным и приезжим послам и государям. Ибо он понимал, что на Востоке престиж государя всецело зависит от великолепия и пышности его двора. Единственным непростительным грехом была скупость. Но Алексей совершил две огромные ошибки. В обмен на скорую помощь он давал торговые преимущества иноземным купцам в ущерб собственным подданным и в какой-то критический момент обесценил имперскую монету, которая в течение семи веков была единственной стабильной валютой в этом хаотичном мире.

Еще более отчаянное положение сложилось во внешних делах – если их еще можно было называть «внешними», ибо со всех сторон враги проникли в самую глубь империи. В Европе господство императора над Балканским полуостровом еще держалось, хотя шаталось, но в Сербии и Далмации славяне подняли восстание. Бродившее за Дунаем тюркское племя печенегов то и дело в своих набегах переходило реку. А на Западе Роберт Гвискар и нормандцы захва-

²⁰ Анна Комнина лестными словами описывает внешность своего отца в «Алексиаде». Анонимный *Synopsis Chronicon*, который не всегда расположен к императору, говорит, что он был «велик в изволении и в поступках».

тили Авлону и осаждали Диррахий. В Азии мало что осталось у Византии, не считая берега Черного моря, отдельных городов на южном побережье и великой укрепленной метрополии Антиохии, но сообщение с дальними городами было ненадежным и редким. Некоторые города во внутренних районах пока еще находились в руках христиан, но их правители были полностью отрезаны от центрального правительства. Большая часть территории находилась в руках сельджукского султана Сулеймана, который правил из никейских владений, протянувшихся от Босфора до сирийской границы, но его государство не имело упорядоченной администрации и фиксированных границ. Другие города находились под властью мелких тюркских князьков, кое-кто из них подчинялся Сулейману, но большинство не признавало над собой других господ, кроме Маликшаха. Из них самыми важными были Данишменд, которому теперь принадлежала Кесария, Севастия и Амасия; Менгучек, владыка Эрзинджана и Колонеи; и самый опасный из всех, авантюрист Чака, захвативший Смирну и эгейское побережье. Тюркские вожди более-менее установили порядок вокруг своих основных городов, но в сельской местности все еще верховодили кочевые орды туркмен, а толпы греческих и армянских беженцев усугубляли неразбериху. Огромное число христиан переходило в ислам и постепенно вливалось в тюркскую общность. Немногие греческие общины еще оставались в горных районах, а турки-христиане, поселившиеся за несколько веков до того вокруг каппадокийской Кесарии, сохранили свою идентичность и религию вплоть до нынешних времен. Но большая часть греческого населения постаралась как можно быстрее перебраться на берега Черного и Эгейского морей.

Миграция армян шла более осознанно и упорядоченно. Разные армянские князья, лишенные владений византийцами, получили поместья в Каппадокии, особенно на юге, близ Тавра. С ними ушло множество верных слуг, и к началу масштабного сельджукского вторжения армяне стали покидать свои дома, и их непрерывный поток пополнял новые колонии, пока почти половина населения Армении не оказалась на юго-западе. Проникновение тюрков в Каппадокию загнало их еще дальше в Тавр и Антитавр, и они распространились по долине среднего Евфрата, куда тюрки еще не дошли. Покинутые ими районы вскоре заполнили не тюрки, а курды-мусульмане с ассирийских нагорий и из Северо-Западного Ирана. Последний армянский правитель старой династии Багратидов, которая гордо заявляла о своем происхождении от Давида и Вирсавии, был убит по приказу византийцев в 1079 году, после того как сам он чудовищно зверским образом расправился с архиепископом Кесарии; после чего один из его родственников по имени Рубен взбунтовался против империи и укрепился в горах Северо-Западной Киликии. Примерно в то же время еще один армянский вождь – Ошин, сын Хетума, основал аналогичное государство чуть дальше на запад. Обе династии, Рубениды и Хетумиды, сыграют свою роль в последующей истории, но в то время Рубен и Ошин находились в тени армянина Вахрама, которого греки называли Филаретом.

Филарет служил у византийцев, и Роман Диоген назначил его правителем Германикеи (Мараша). После падения Романа Филарет отказался признавать Михаила Дуку и объявил о собственной независимости. Во время беспорядочного царствования Михаила он завоевал главные города Киликии, Тарс, Мамистру и Аназарб. В 1077 году один из его подчиненных после шестимесячной осады отнял Эдессу у византийцев. В 1078 году жители Антиохии, чей правитель, преемник Исаака Комнина, только что был убит, молили Филарета взять город, чтобы спасти его от тюрков. Его владения теперь простирались от Тарса до земель за Евфратом, и его вассалами стали Рубен и Ошин. Но он не чувствовал уверенности в завтрашнем дне. В отличие от большинства современников, он был православным и не желал полностью отмежеваться от империи. После отречения Михаила он поклялся в верности Никифору Вотаниату, который оставил его губернатором завоеванных им земель. Видимо, он признал и Алексея, но принял дополнительные меры предосторожности, принеся нечто вроде присяги арабским владыкам Халеба.

Алексей по своем восшествии на престол должен был решить, против кого из врагов необходимо выступить в поход первым. Рассудив, что тюрк можно отбросить назад только в ходе долгой и последовательной кампании, к которой он пока был не готов, тем более что, скорее всего, они тем временем сами предавались бы междоусобным распрям, он посчитал более насущной потребностью положить конец наступлению нормандцев. На это ушло больше времени, чем он рассчитывал. Летом 1081 года Роберт Гвискар в сопровождении своей жены Сишельгаиты Салернской, достойной именоваться амазонкой²¹, и старшего сына Боэмунда осадил Диррахий. В октябре Алексей с войском, в котором основной контингент составляла англосаксонская варяжская стража, отправился освобождать крепость. Но там, как и при Гастингсе пятнадцать лет назад, англосаксам оказалось далеко до нормандцев. Алексей понес решительное поражение. Диррахий продержался зиму, но пал в феврале 1082 года, позволив Роберту весной выступить по великой Эгнatieвой дороге на Константинополь. Итальянские дела вскоре потребовали его возвращения, но он оставил свою армию под началом Боэмунда овладевать Македонией и Грецией. Боэмунд дважды разгромил Алексея, которому пришлось просить подкреплений у тюрк и кораблей у венецианцев. Пока вторые прерывали сообщение между нормандцами, первые позволили императору освободить Фессалию. Боэмунд отступил в Италию 1083 году, но вернулся с отцом на следующий год и уничтожил венецианский флот у берегов Керкиры (Корфу). Война закончилась только со смертью Роберта в Кефалонии в 1085 году, когда его сыновья рассорились из-за наследства.

Император наконец-то установил свою власть над европейскими провинциями; но на те четыре года восточные провинции были потеряны. Филарет смертельно запутался в интригах с тюрками. В начале 1085 года его сын выдал Антиохию вместе с киликийскими городами султану Сулейману. Эдесса пала в 1087 году перед тюркским вождем Бузаном, но затем была отвоевана в 1094 году армянином Торосом, вассалом Малик-шаха, и сначала порядок там поддерживал тюркский гарнизон в цитадели. Тем временем Мелитену занял еще один армянин, зять Тороса Гавриил, который, как и его тесть, принадлежал к православной церкви. Ссоры между православной, сирояковитской и армянской церквями усугубляли беспорядок во всей Северной Сирии. Последняя восприняла упадок византийской власти как повод для радости. Она предпочитала подчиняться тюркам.

Южной Сирией полностью овладели сельджуки. С тех самых пор, как Тогрул-бей вошел в Багдад в 1055 году, сирийские владения Фатимидов находились под угрозой, и растущая тревога и напряжение приводили к смутам и мелким мятежам. Когда в 1056 году пограничные византийские чиновники в Латакии отказали прибывшему с паломничеством епископу Камбре в праве продолжить путь на юг, их мотивом было не желание навредить латинянину, как подозревали на Западе (хотя, вероятно, там существовал запрет на пропуск нормандских паломников); на самом деле у них были сведения о том, что Сирия небезопасна для путешественников-христиан. Злоключения германских епископов, которые восемь лет спустя все же добились разрешения пересечь границу вопреки советам местных жителей, показывают, что византийские чиновники имели все основания так говорить.

В 1071 году, в год битвы при Манцикерте и падения Бари, дерзкий тюрк Атсиз ибн Увак, номинально вассал Алп-Арслана, без борьбы захватил Иерусалим и вскоре оккупировал всю Палестину вплоть до пограничной крепости Аскалон. В 1075 году он овладел Дамаском и окрестностями. В 1076 году Фатимиды отвоевали Иерусалим, из которого Атсиз снова выгнал их после осады, длившейся несколько месяцев, и перебил жителей-мусульман. Уцелели только христиане, засев за стенами своего квартала. Несмотря на это, Фатимиды вскоре снова смогли атаковать Атсиза в Дамаске, и ему пришлось звать на помощь сельджукского прави-

²¹ Сишельгаита сопровождала мужа во всех походах и даже сама командовала войсками, хотя маловероятно, что она непосредственно участвовала в боях с оружием в руках. (Примеч. пер.)

теля Тутуша, брата Малик-шаха, который с одобрения брата создавал себе султанат в Сирии. В 1079 году Тутуш приказал убить Атсиза и стал единоличным правителем государства, простиравшегося от Халеба, который пока еще оставался под властью арабской династии, до границ Египта. Тутуш и его подчиненный Орток, правитель Иерусалима, видимо, сумели наладить организованную администрацию. Они не выказывали особой вражды к христианам, хотя православный патриарх Иерусалима, по всей видимости, проводил большую часть времени в Константинополе, где теперь поселился и его коллега из Антиохии²².

В 1085 году император Алексей, освободившись от нормандской угрозы, обратил свое внимание на тюркскую проблему. До той поры он мог хоть как-то сдерживать тюрок только за счет неустанных интриг, славивая их правителей друг с другом. Теперь же, сочетая дипломатию с демонстрацией оружия, он добился заключения договора, который вернул империи Никомедию и анатолийское побережье Мраморного моря. На следующий год его терпеливость была еще больше вознаграждена. Сулейман ибн Кутулмыш, взяв Антиохию, выступил на Халеб, чей арабский правитель позвал на помощь Тутуша. В последовавшей битве под стенами города Тутуш одержал победу, а Сулейман погиб.

Смерть Сулеймана вызвала сумятицу среди тюрок в Анатолии; и Алексей почувствовал себя в своей стихии, настраивая одного вождя против другого, играя на их взаимной зависти, предлагая всем по очереди подкупы и намекая на брачные союзы. Никею уже шесть лет удерживал сельджукский мятежник Абуль-Касим; но в 1092 году Малик-шах заменил его сыном Сулеймана Кылыч-Арсланом I. Тем временем Алексей сумел упрочить свои позиции. Это было нелегко. Единственной территорией, которую ему удалось вернуть, был город Кизик, и он оказался не в силах помешать Данишмендидам расширить их владения на запад и захватить его же родовой замок – Кастамон в Пафлагонии. Императору мешали дворцовые заговоры, а в 1087 году ему пришлось столкнуться с крупным вторжением печенегов с Дуная, которым помогали венгры. Лишь в 1091 году его дипломатические старания, усиленные одной огромной победой, надолго освободили его от угрозы варварских нашествий с севера.

Еще больше тревог вселял Чака, тюркский эмир Смирны. Чака, более честолюбивый, чем большинство его соотечественников, нацелился прибрать к рукам целую империю. Он брал к себе на службу греков, а не тюрок, ибо понимал, что ему нужен сильный флот, но в то же время пытался организовать союз тюркских вождей и выдал свою дочь за молодого Кылыч-Арслана. Между 1080 и 1090 годами он овладел эгейским побережьем и островами Лесбос, Хиос, Самос и Родос. Алексей, одной из первых забот которого было возрождение византийского флота, сумел в конце концов разгромить его корабли у входа в Мраморное море; но угроза оставалась до тех пор, пока в 1092 году Чака не погиб от руки своего зятя Кылыч-Арслана на пиру в Никее. Убийство явилось результатом того совета, который император подал султану, опасавшемуся, как бы еще кто-нибудь из тюрок не стал более могущественным, чем он сам²³.

Теперь, когда Сулейман и Чака были мертвы, Алексей получил возможность обдумать более агрессивный курс. Сам он теперь надежно царил в Константинополе, в европейских провинциях наступил покой. У него был эффективный флот, казна временно наполнилась. Вот только армия была очень малочисленна. С потерей Анатолии у него осталось совсем немного

²² Коптская «История патриархов Александрийских» весьма благоприятно сравнивает правление тюрок с последующим правлением франков в Палестине. Знаменитая стрела, которую Орток выжег на крыше храма Гроба Господня, была не оскорблением, а знаком его верховной власти. Патриарх Иерусалимский Евфимий находился в Константинополе в конце 1082 года и в это время вместе с посольством отправился в Фессалоники к Боэмунду, а его преемник Симеон присутствовал там на соборе в 1086 году, когда был осужден Лев Халкидонский. Однако в 1089-м он вернулся в Иерусалим. На этом соборе присутствовал и патриарх Антиохийский.

²³ Анна Комнина описывает смерть Чаки, однако затем в ее истории появляется новый Чака. Вероятно, это был сын первого, и он звался ибн Чака, а Анна упростила его имя. Аналогично западные авторы называют султана Кылыч-Арслана просто Сулейманом, поскольку слышали, что его называют ибн Сулейманом.

местных войск, откуда он мог бы набирать солдат. Ему требовались профессиональные иноземные наемники.

Да, около 1095 года казалось, что сельджуки наконец начали терять силу. Малик-шах, который еще худо-бедно еще держал в руках всю империю тюрок, умер в 1092 году; и за его смертью последовала междоусобная война между его молодыми сыновьями. В следующие десять лет, пока они не смогли договориться о разделе наследства, главное внимание тюрок было направлено на это противоборство. Между тем арабские и курдские вожди набирали силу в Ираке. В Сирии, где умер Тутуш в 1095 году, его сыновья – Ридван, эмир Халеба, и Дукак, эмир Дамаска, – оказались не в состоянии сохранить порядок. Иерусалим отошел сыновьям Ортока. Их правительство было неэффективным и деспотичным. Православный патриарх Симеон и его высшие иерархи переехали на Кипр. В Триполи шиитский клан Бану Аммар основал княжество. Фатимиды начали отвоевывать Южную Палестину. На севере тюркский военачальник Кербог, атабек Мосула при аббасидском халифе, постепенно посягал на территорию Халеба, принадлежавшую Ридвану. У путешественников того времени складывалось впечатление, что у каждого города свой владыка.

Удивительно, что кто-то еще продолжал путешествовать, и не только мусульмане, но и христиане с Запада. Поток паломников никогда полностью не прекращался, но теперь путь для них стал очень трудным. Христиан, живших в Иерусалиме до смерти Ортока, события, по-видимому, затрагивали не так сильно, и в Палестине, за исключением того времени, когда турки и египтяне непосредственно вели там бои, обычно царил покой. Но пересечь Анатолию можно было только с вооруженной охраной, но и тогда путешественника поджидало множество опасностей, и его часто задерживали войны между враждующими правителями. В Сирии было немногим лучше. Повсюду на дорогах засели разбойники, и в каждой городке местный князек пытался взимать пошлину с проезжающих. Паломники, которым удавалось преодолеть все эти трудности, возвращались на Запад изможденными и обнищавшими, и от их рассказов у слушателей стыла кровь.

Часть вторая. Проповедь Крестового похода

Глава 1. Святой мир и святая война

*Ждем мира, а ничего доброго нет.
Книга пророка Иеремии, 8: 15*

Перед горожанами-христианами встал один фундаментальный вопрос: имеют ли они право сражаться за свою страну? Ведь их религия – религия мира, а война означает убийство и разрушение. Первые христианские отцы не имели на этот счет никаких сомнений. Для них война была самым настоящим убийством. Но после триумфа Креста, после того как вся империя стала христианской, разве ее граждане не должны быть готовы с оружием в руках защитить ее благополучие?

Восточная церковь так не считала. Ее великий законодатель в сфере канонических правил святитель Василий хотя и признавал, что воин обязан подчиняться приказу, но все же утверждал, что всякий повинный в убийстве на войне должен в покаяние три года воздерживаться от причастия. Эта рекомендация была слишком строга. На самом деле византийских солдат готовили не как убийц, но их занятие не приносило им ни славы, ни престижа. Смерть в бою не считалась почетной, а смерть в бою с иноверцами не считалась мученической; мученики умирали вооруженными только своей верой. Воевать с иноверцами полагали делом прискорбным, хотя порой и неизбежным, а воевать с собратьями-христианами было вдвое хуже. Более того, в истории Византии на удивление мало захватнических войн. Юстиниан вел свои кампании с целью освободить римлян от их варварских угнетателей, Василий II против болгар – чтобы вернуть провинцию империи и устранить угрозу для Константинополя. Византия всегда предпочитала мирные методы, даже если они подразумевали дипломатические околичности и денежные подкупы. Западным историкам, привыкшим восхищаться военной доблестью, действия многих государственных мужей Византии казались трусливыми или коварными, но обычно эти мужи руководствовались искренним желанием избежать кровопролития. Царевна Анна Комнина, одна из самых типичных византиек, ясно пишет в своей истории, что, как бы глубоко ее ни интересовали военные дела и как бы высоко ни ценила она успехи отца на поле боя, война была для нее постыдным делом, последним средством, когда все остальные способы потерпели крах, то есть война сама по себе была признанием неудачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.